

СТЕНОГРАММА ОБЪЕДИНЕННОГО ЗАСЕДАНИЯ
СЕКТОРА ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН СССР
И КАФЕДРЫ ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

23 марта 1949 г.**

На повестке дня вопрос о борьбе с буржуазным космополитизмом в исторической науке.

Выступления:

Е.А.Косминский	1 стр.	В.В. Дорошенко	125 стр.
Н.А. Сидорова	3 «	т. Старостин	133 «
Е.А. Косминский	48 «	Е.В. Гутнова	139 «
В.Ф. Семенов	64 «	А.И. Неусыхин	147 «
Ю.М. Сапрыкин	70 «	В.В. Стоклицкая	157 «
З.В. Удальцова	78 «	С.Д. Сказкин	162 «
Б.Ф. Поршнева	86 «	М.В. Лавровский	168 «
З.В. Мосина	96 «	К. Бернштейн	172 «
М.М. Смирин	104 «	М.А. Барг	175 «
М.А. Алпатов	109 «	Е.А. Косминский.	176 «
И.Д. Белкин	117 «	Н.А. Сидорова	185 «

СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ
СЕКТОРА ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ
23 марта 1949 года

Председательствует Е.А. Косминский

КОСМИНСКИЙ Е.А.: Товарищи, объединенное заседание сектора истории средних веков Института истории Академии Наук СССР и кафедры истории средних веков Московского государственного университета разрешите открыть.

Сегодняшнее наше собрание посвящено вопросу о борьбе с буржуазными космополитами в исторической науке. Вам известно, какое значение приобрел сейчас этот вопрос, особенно в области литературы, искусства и общественных наук, какое огромное значение этот вопрос играет в настоящее время в сфере международных отношений. Мы убедились в том, что буржуазный космополи-

---

** Стенограмма хранилась в личном архиве А.Е. Москаленко (1909–1984), а затем в архиве А.Н. Горяинова, который любезно передал ее редакции. За исключением явных опечаток, в публикации в основном сохранены орфография, пунктуация и стилистика оригинала. К сожалению, ввиду недоступности ряда фондов архива МГУ сверить текст стенограммы с архивным оригиналом не удалось. В архиве РАН данный документ отсутствует. – *Примеч. редакции.*

тизм успел глубоко проникнуть в некоторые отрасли нашей общественной жизни. Мы знаем также, какую опасность представляет собою это явление. Мы знаем, что под флагом космополитизма скрываются сейчас гнусные происки англо-американского, по преимуществу американского, империализма, что под флагом отказа от своей национальности, отказа от государственного суверенитета скрывается приглашение подчиниться суверенитету англо-американского капитализма.

Сознавая всю важность этого вопроса, мы должны сейчас пересмотреть нашу работу, посмотреть, не проник ли к нам в какой-либо форме этот буржуазный космополитизм, не отравляет ли он так или иначе нашу историческую науку. Мы уже могли видеть по тем дискуссиям, которые проходили у нас, что такого рода случаи имели и имеют место. Нам надо просмотреть свои работы, спросить себя, в какой мере действительно наша работа удовлетворяет наши основные задачи, задачи, которые ставятся перед нами и как перед учеными и как перед педагогами, словом, перед теми, кто ответственен за воспитание подрастающего поколения. Мы должны ответить на вопрос, действительно ли наша работа содействует воспитанию советских граждан, патриотов своей великой родины. Не проникли ли в эту работу ослабляющие, растлевающие ее моменты. Если мы такие моменты обнаружим, мы должны их без всякого стеснения, без всяких попыток замолчать, всесторонне осветить. Мы должны принять меры к тому, чтобы исправить эти ошибки, должны искать путь, по которому они должны быть изжиты.

Вот задача нашего сегодняшнего собрания.

Первое слово я предоставляю Н.А. Сидоровой.

СИДОРОВА Н.А.: Ленинизм учит, что для успешного осуществления задач постепенного перехода к коммунизму решающее значение имеет коммунистическое воспитание масс, преодоление пережитков капитализма в сознании людей. Именно этим определяется то исключительное внимание, которое ЦК партии уделяет вопросам идеологической работы. Коммунистическая партия и советская власть воспитали нового советского человека, привили десяткам миллионов людей социалистическое сознание, новое отношение к труду, к социалистической собственности. Советские люди – самые передовые люди нашей эпохи.

Но это не значит, что все советские люди освободились от пережитков старого. Исторические решения ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и выступления партийной печати против антипатриотической группы театральных критиков – такова единая цепь мудрых указаний партии, направленных на борьбу с буржуазными пережитками в сознании людей.

Одной из актуальнейших задач идеологической работы в настоящее время является борьба против буржуазной идеологии космополитизма, идеологии враждебной и в корне противоречащей советскому патриотизму – основной черте, характеризующей мировоззрение советского человека.

Особая политическая актуальность борьбы против идеологии космополитизма связана в настоящее время с тем обстоятельством, что реакционный американский империализм сделал космополитизм своим идеологическим знаменем. «Одним из направлений идеологической “кампании”, сопутствующей планам порабощения Европы, – говорил тов. Жданов на информационном совещании представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г., – является нападение на принцип национального суверенитета, призыв к отказу от суверенных прав народов и противопоставление им идей “всемирного правительства”. Смысл этой кампании состоит в том, чтобы приукрасить безудержную экспансию американского империализма, бесцеремонно нарушающего суверенные права народов, выставить США в роли поборника общечеловеческих законов, а тех, кто сопротивляется американскому проникновению, представить сторонниками отжившего эгоистического национализма».

Космополитизм – это своего рода бактериологическое оружие в той «холодной» войне, которую силы международной империалистической реакции ведут против всего передового человечества.

Проповедь вселенского космополитизма в Европе расчищает дорогу 100% буржуазному «американизму» во всех областях культуры. Лингвисты США работают над упрощением английского языка для превращения его в единый международный язык. Ведется настойчивая космополитическая пропаганда «культурного» объединения Западной Европы под господством США.

Стремление американского империализма закабалить народы Европы получает полную поддержку реакционных буржуазных партий, правых социалистов, остатков старых фашистов и неофашистов. Превозносится «доктрина Трумэна» и «план Маршалла». Проповедуются «мировое гражданство», «гражданство Европы». Ярким примером космополитической пропаганды является обращение группы американских ученых в 1948 г. к ученым всего мира. Выполняя заказ своих хозяев, американские ученые призывают всех европейских ученых к защите «единой мировой науки», к созданию «мирового правительства» «Соединенных штатов мира», с вооруженными силами для подавления всех их противников.

Североатлантический пакт, как нам всем понятно, является попыткой подготовки к войне, орудием войны.

Так под прикрытием космополитических идей оголтелые американские империалисты готовят новую мировую войну. Пропаганда космополитизма сочетается у идеологических прислужников Уолл-стрита с расистскими бреднями. И это не случайно, ибо космополитизм имеет своей оборотной стороной национализм и шовинизм. «Я за мировую нацию, – говорит нацист англо-саксонского толка, – но именно моя нация и есть мировая нация», все остальное должно раствориться в ней и забыть свои национальные традиции.

Пропаганда космополитизма в настоящее время направлена непосредственно против Советского Союза. «Идея всемирного правительства используется не только как средство давления в целях идейного разоружения народов, отстаивающих свою независимость от посягательств со стороны американского империализма, но и как лозунг, специально противопоставляемый Советскому Союзу, который неустанно и последовательно отстаивает принцип действительного равноправия и ограничения суверенных прав народов больших и малых» (Жданов – Информ. совещание... IX 4).

Буржуазному космополитизму, идеологии и политике империализма наша партия противопоставляет коммунистическое мировоззрение, советскую идеологию, основанную на пролетарском интернационализме, основанную на дружбе и взаимном уважении народов друг к другу, на справедливой оценке заслуг перед наукой, философией, культурой, имеющихся у каждого народа, в том числе, конечно, и у великого русского народа и других народов СССР. Чувство советской национальной гордости включает в себя гордость за все нации СССР. Поэтому социалистический интернационализм гражданина СССР органически слит с советским патриотизмом. «Советский патриотизм, – говорит Сталин, – не разъединяет, а наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью» (Сталин – О Великой Отечественной войне. Стр. 160–161. 1947 г.).

Американский империализм стремится поставить под свое господство весь мир. Его идеологи отлично понимают, что основным препятствием в осуществлении этого стремления является Советский Союз, вокруг которого группируются все страны демократии и прогресса. Поэтому идеологи империализма стремятся опорочить в глазах масс советское государство и входящие в него народы, и прежде всего великий русский народ, и принизить величие его культуры, созданной на протяжении столетий. Они клеветают на русский народ, изображая его народом, неспособным играть ведущую роль в системе прогрессивных сил мира.

Ясна необходимость отпора этой гнуснейшей клевете. Русский народ имеет свою историю. На ее протяжении он создал богатей-

шую культуру, из которой почерпнули многое и продолжают черпать до сих пор все нации нашей страны и все народы других стран мира.

Золотой фонд всей русской и мировой культуры составляют труды Ломоносова, Лобачевского, Сеченова, Менделеева, Бутлерова, Ковалевских, Столетова, Лебедева, Мечникова, Тимирязева, Павлова, Мичурина, Вильямса – в науке; Яблочкова, Попова, Циолковского, Жуковского, Чаплыгина, Крылова – в технике; Гоголь, Пушкин, Тургенев, Толстой, Горький – в литературе; Репин, Суриков, Левитан – в живописи; Глинка, Чайковский, Римский-Корсаков – в музыке; Баженов, Казаков – в зодчестве; Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Плеханов – в философии и публицистике, – таковы наши богатства.

Русский народ дал миру ленинизм как марксизм эпохи империализма и пролетарских революций, большевистскую партию как партию нового типа, революционную партию пролетариата.

Влияние русского рабочего движения сказалось далеко за пределами России. Русский народ выступает как ведущая сила в братском содружестве наций Советского Союза, страны социализма, победившего на одной шестой части мира. Имя Ленина, титана человеческой мысли, великого стратега коммунистической революции, вождя многомиллионных масс, стало знаменем рабочего класса, всех трудящихся в их освободительной борьбе против капиталистического рабства, за победу нового общественного строя – коммунизма.

Ленинизм – учение Ленина и Сталина – это вершина мировой и русской культуры, стал идейной основой освободительного движения международного пролетариата.

Вот почему мы преисполнены чувства законной национальной гордости.

«Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям чувство национальной гордости? – спрашивал В.И. Ленин в своей замечательной статье “О национальной гордости великороссов”, написанной в 1914 г., и отвечал: – Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину... Мы гордимся тем... что эта среда (среда великоросов. – Н.С.) выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика.

Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм» (Ленин В.И. Сочинения. Т. 21. С. 85; 4-е изд.).

Итак, мы, советские люди, получили богатое наследство от прошлой истории русского народа. Несомненно, что в основе нашей советской культуры лежит культура русская. Однако это, конечно, не означает того, что мы принимаем безоговорочно все то, что мы получили. Марксизм-ленинизм вдребезги разбивает космополитические выдумки о надклассовой, вненациональной, «общечеловеческой» науке и со всей определенностью доказывает, что наука, как и вся культура в классовом обществе, является классовой. Поэтому, говоря, например, о культуре русской, Ленин подчеркивал то, что «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, – но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова» (Ленин В.И. Сочинения. Т. 17. С. 143; 3-е изд.).

Мы не можем забывать этого важнейшего указания Ленина и поэтому рассматриваем нашу советскую культуру как прямую наследницу только той передовой революционно-демократической русской культуры, которая характеризуется именами Герцена, Белинского, Чернышевского.

Отвечая Михайловскому, утверждавшему, что русские марксисты не желают состоять ни в какой преемственной связи с прошлым и решительно отказываются от наследства, В.И. Ленин писал, что это принадлежит к числу «плохих выдумок». «К числу таких выдумок, “плохих выдумок”, относится и эта ходячая фраза об “отказе русских учеников от наследства”, о разрыве их с лучшими традициями лучшей, передовой части русского общества, о перерыве ими демократической нити и т.п. и т.д. и как там еще это ни выражалось» (Ленин В.И. Сочинения. Т. 2. С. 462; 4-е изд. – «От какого наследства мы отказываемся?»).

Говоря о великой роли передовой теории, Ленин писал в своей замечательной работе «Что делать» в 1901–1902 г.: «А чтобы хотя сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература...» (Ленин В.И. Сочинения. Т. 5. С. 342; 4-е изд.).

Так ставит Ленин вопрос о лучших традициях лучшей части русского общества с точки зрения последовательного марксиста. Так должен стоять вопрос о революционно-демократических традициях и для нашей социалистической культуры, возникшей, развившейся и достигшей невиданного расцвета после Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей собою новую

эру в развитии человечества. Наша социалистическая культура – культура бесклассового общества – стоит неизмеримо высоко, и с точки зрения этой культуры, с точки зрения нашего социалистического мировоззрения, мировоззрения марксизма-ленинизма, мы оцениваем все доставшееся нам наследство. Естественно, что борьба с космополитизмом у нас обязательно сочетается с критикой, разоблачением буржуазного объективизма, идеалистических ошибок и шатаний. Это вполне закономерно, так как буржуазный космополитизм и объективизм, аполитичность и идеалистические шатания – все это родные братья.

На этом я заканчиваю первую часть своего вступительного слова. Вторую часть я посвящаю разбору того положения, которое мы имеем на историческом фронте, и в частности в области истории средних веков.

Как обстоит дело на историческом фронте? Несомненно, что мы имеем здесь огромные достижения. Об этом свидетельствуют имеющие всемирную значимость труды основоположников и руководителей первого социалистического государства Ленина и Сталина, об этом свидетельствует «Краткий курс истории ВКП(б)», ставший настольной книгой множества миллионов, об этом свидетельствует ряд исторических монографий, удостоенных высокой награды сталинских премий, об этом свидетельствует целый ряд других работ, получивших признание советской общественности. И тем не менее мы не можем сказать, что на историческом фронте у нас все обстоит благополучно. Идущие повсеместно обсуждения исторических дел, исторической продукции показывают, что историческая наука является одним из участников идеологического фронта, где буржуазные космополиты вели свою подрывную деятельность.

Длительное время в системе Академии наук СССР орудовала антипатриотическая группа Минца, Разгона, антипатриотическая, подрывная деятельность которой выразилась в следующем¹:

1. В срыве выпуска работ по истории советского общества, учебников, обобщающих трудов и т.д.

2. В саботаже руководящих указаний партии и правительства по изучению важнейших проблем истории советского общества, по изданию обобщающих трудов, посвященных этим проблемам, и учебника истории советского общества.

3. В монополизации важнейших участков исторического фронта и не допущении широкой подготовки молодых научных кадров.

4. В подборе кадров по принципу низкопоклонства и семейственности.

5. В создании затхлой атмосферы угодничества и нетерпимости к критике.

Другим участком, куда проникли идеи буржуазного космополитизма, являются секторы Новой и Новейшей истории. Всем известны имена тех историков, которые подверглись жестокой критике на прошедших до настоящего времени собраниях – это Зубок, Звавич, Деборин, Лемин и др.

Гнилые идеи буржуазного космополитизма проявились и в работах историков других областей исторической науки.

Журнал «Вопросы истории», который должен был бы сигнализировать об этих пороках, который должен был бы давать им бой, не являлся боевым органом на фронте исторической науки, не вел борьбы с буржуазным космополитизмом, не развернул смелой и принципиальной критики и самокритики. Журнал измельчал. На его страницах не были поставлены коренные проблемы исторической науки. В редколлегии журнала существовала атмосфера благодушия, самоуспокоенности и семейственности².

Так обстоит дело на фронте исторической науки.

Как же обстоит дело в области медиевистики, т.е. в области той науки, которой мы все, присутствующие здесь, занимаемся? Абсолютно неблагоприятно. И этот раздел исторической науки не свободен от проявлений вредоносного влияния буржуазного космополитизма в различных его формах.

Каковы же формы проявления буржуазного космополитизма и буржуазного объективизма в области медиевистики? Эти формы являются следующими.

1. Проповедь единой мировой науки.
2. Преклонение и низкопоклонство перед буржуазной западной наукой.
3. Принижение исторической роли русского народа, русской и советской культуры.
4. Традиционализм, отрицающий принципиальное существо и значение науки советской, науки, которая зиждется на единственно научном методе марксизма-ленинизма.
5. Игнорирование принципа партийности.
6. Пренебрежительное отношение к вопросу о приоритете русской науки.
7. Идеалистические вывихи, носящие ярко выраженный космополитический характер.

Рассмотрим конкретные примеры, подтверждающие это.

Одним из очень ярких примеров, характеризующих сочетание самых различных неправильных положений, является, несомненно, уже неоднократно критикованная и раскритикованная нами передовая в «Византийском Временнике»³. Она изобилует особенно грубыми ошибками. Ответственным редактором, отвечающим за эту передовую, независимо от того, каким она автором написана, является Е.А. Косминский, который и несет полную ответственность за появление этой глубоко порочной статьи.

Великая Октябрьская социалистическая революция упоминается в этой передовой только один раз в том смысле, что она, т.е. революция, прервала работу в области византиноведения.

«После Великой Октябрьской социалистической революции в развитии византиноведения наступил некоторый перерыв» (стр. 3). Правда, далее указывается, что большую роль в этом сыграла так называемая «школа Покровского». Но больше ни в одном месте Великая Октябрьская социалистическая революция, даже само наименование Великой Октябрьской социалистической революции не упоминается.

Однако, говорит передовая дальше, – эта «школа» была разбита (школа Покровского), и вот тогда Академия наук СССР начала решительно воскрешать и развивать «традиции русского византиноведения».

Изучение внутренней истории Византии является основной линией научных интересов советских византинистов, не почему-либо, – указывает эта передовая, – а потому, что об этом говорил в свое время еще сам Ф.И. Успенский. «Эти слова», заявляет передовая, «главы русского византиноведения остаются и в настоящее время программой работы советских византинистов, продолжающих лучшие традиции русского дореволюционного византиноведения» (стр. 5).

Никакой принципиальной разницы между советским и дореволюционным византиноведением передовая не видит. А ведь всякая передовая – это программа работ, ориентация историков на будущее.

В то же самое время передовая угодливо расшаркивается перед мировым византиноведением.

«Старый “Византийский Временник” завоевал себе почетное место в мировой науке... Советские византинисты, развивая свою работу во всех областях византийской истории, ставят целью снова завоевать своему органу то почетное место, которое он всегда занимал. Это будет лучшим памятником редактору “Византийского Временника”, главе русского византиноведения академику Ф.И. Успенскому», – читаем мы в передовой (стр. 7). И вот я спрашиваю, разве желание воздвигнуть памятник Успенскому путем возобновления «Византийского Временника» может являться целью советского византиноведения, которая ставится в передовой первого номера «Временника»? В передовой мы имеем не отдельные ошибки, а порочную систему взглядов. О том, что фраза насчет Великой Октябрьской социалистической революции не явилась случайностью или простой обмолвкой, свидетельствует небольшое введение к иностранной библиографии, написанное Е. Елеонской, которая оплакивает перерыв в византиноведении, происшедший, как мы узнаем из передовой, после Великой Октябрьской социалистической ре-

волюции. Елеонская пишет: «С момента прекращения “Византийского Временника” советские византилисты утратили возможность получения информации о текущей иностранной литературе... С учетом этого перед возобновляющимся “Временником” сама собою встала задача дать советскому византисту то, чего он так долго был лишен, т.е. осведомить его о наиболее крупных трудах по истории Византии, вышедших за границей». И далее следует простой перечень этих трудов, в том числе и главным образом и преимущественно трудов итальянских и немецких историков, трудов, изданных при фашистском режиме.

Низкопоклонством перед иностранной наукой и стремлением утвердить тезис о единой мировой науке характеризуется и предисловие Б.Т. Горянова к книге Ш. Дилья, изданной на русском языке, – «Основные проблемы византийской истории», которая, кстати сказать, издана под редакцией С.Д. Сказкина. В этом предисловии мы видим, как ярко выражается низкопоклонство перед иностранной буржуазной наукой. Никакой критики позитивистской историографии, представителем которой был Диль, автор не дает, замечая, однако, что, «несмотря на то, что византийская историография оставалась на идеалистических позициях, она все же была реалистической, стремилась к объективному изучению исторического процесса» (стр. 7). Все предисловие выдержано в апологетических тонах по отношению к Ш. Дилью. Так, по поводу работы Ш. Дилья «О Византии и Равеннском экзархате» (1889 г.) Б.Т. Горянов пишет: «Эта капитальная работа до настоящего времени остается лучшим исследованием, посвященным эпохе византийского господства в Италии VII–VIII вв.» (стр. 7–8).

О работе Ш. Дилья «Юстиниан и византийская цивилизация VI века» Горянов пишет: «Международная научная критика (без каких-либо разграничений внутри этой критики. – Н.С.) единодушно дала высокую оценку этому труду, считающемуся лучшим произведением, посвященным столь важной в истории Византии эпохе, несмотря на то что вокруг нее и до появления труда Дилья и после него создана была большая научная литература» (стр. 9).

В заключение Б.Т. Горянов указывает, что труд Ш. Дилья способствовал «всестороннему развитию научного византиноведения», но ни одним словом не говорит относительно того, что он понимает под этим «научным византиноведением».

В предисловии к этой же книге Шарля Дилья «Основные проблемы византийской истории» Б.Т. Горянов совершает и другую ошибку, заявляя о существовании мирового византиноведения. «Научное творчество Дилья, – пишет он в заключении своего предисловия, – большой и ценный вклад в мировой византиноведение». Его работа-

ми «долго еще будут пользоваться ученые всех стран. Освоение и критическая переработка большого литературного наследства Диля советскими историками на основе марксистско-ленинской методологии будут содействовать дальнейшему развитию советского византиноведения и превращению его в одну из важнейших отраслей советской исторической науки» (стр. 17).

Ничего другого о советском византиноведении в этом предисловии мы не находим.

В другом предисловии Горянова в книге Диля «История Византийской империи», изданной в 1948 г., автор выступает уже с критикой Диля, поэтому данное предисловие несколько лучше, чем написанное в 1947 г. к вышеуказанной работе Диля. Но и здесь автор совершает ошибки, идущие уже по линии прямого принижения советской науки.

«Советские византинисты, – пишет автор, – в основе работы которых лежит марксистский метод исторического исследования, продолжают лучшие традиции классического русского византиноведения, критически воспринимая и перерабатывая его наследство». И дальше: «Критически перерабатывая на базе марксистско-ленинской методологии выводы буржуазных ученых, в том числе и Диля, советское византиноведение создает новую, научно правильную концепцию истории Византии» (стр. 17).

Итак, советская наука по истории Византии предстает в этих двух трудах – предисловиях Б.Т. Горянова – только как некий, если можно так выразиться, «критический переработчик» буржуазного византиноведения.

История Византии является сейчас одной из тех отраслей исторической науки, где особенно выпукло выступают реакционные формы современной буржуазной историографии. Византия привлекает иностранных, преимущественно реакционных буржуазных историков как оплот деспотии и церковности. Буржуазные ученые Запада стремятся всячески опорочить борьбу народных масс, принизить историческую роль славянства. Между тем и в первом томе «Византийского Временника» и в тех предисловиях Горянова, которые я вам зачитывала, отсутствует дух непримиримой борьбы с зарубежным реакционным византиноведением. Вместо острой, разоблачающей критики в «передовой», процитированной мною, пропагандируется мирное сотрудничество с зарубежными буржуазными учеными. Больше того, в редакционной статье к первому тому «Византийского Временника» выдвигается глубоко порочная система взглядов. В передовой сказано, что «Старый “Византийский Временник” завоевал себе почетное место в мировой науке» и перед советскими византинистами ставится задача занять почетное место в этой

мировой науке. Подобные утверждения свидетельствуют о том, что антипатриотические идеи буржуазного космополитизма проникли и в советское византиноведение.

В советской медиевистике мы имеем и другие формы космополитизма, в частности, помимо пропаганды идей единой мировой науки мы встречаемся и с низкопоклонством перед буржуазной западной наукой, с преклонением перед западной наукой. Я уже не говорю о том, что в целом ряде работ наших советских медиевистов имеются бесконечные ссылки авторов на иностранные работы без какой-либо попытки дать их критический обзор. Я не буду подробно останавливаться и на таких работах, как, например, недавно сравнительно поданной в «Византийский Временник» статье члена-корр. Академии наук СССР Лазарева В.Н., которая посвящена вопросу о «Мозаиках Софии Константинопольской» и их историческом значении. Статья эта является воспеванием американского ученого Уитмора, производившего расчистку этих мозаик. Эта статья превозносит американского ученого до небес. Она полностью солидаризируется с высказыванием Уитмора. Эта статья задержана редакцией «Византийского Временника» и не дана в печать.

Я не буду говорить вам о таких фамилиях авторов, которые не только бесконечно ссылались и ссылаются на иностранные работы в своих трудах, но и в ряде случаев, особенно до войны, публиковали свои работы в иностранных журналах. Можно назвать того же Лазарева и других искусствоведов, как Алпатов⁴ и Брунов, которые связаны с нашим византиноведением.

Гораздо сложнее и гораздо труднее вскрыть низкопоклонство, вскрыть преклонение перед буржуазной западной наукой у тех наших историков, которые не только с внешней стороны путем ссылок на иностранные работы высказывают свое низкопоклонство, но и являются людьми, не расставшимися с буржуазным влиянием, людьми, которые не критикуют этот материал и те выводы, которые были взяты ими из буржуазной исторической литературы.

И здесь в качестве фигуры, которая наиболее, как мне кажется, ярко выражает это преклонение перед западной буржуазной историографией, я хочу назвать имя А.И. Неусыхина.

Александр Иосифович Неусыхин, как известно, в 1929 году выпустил свою, вероятно, всем сидящим здесь хорошо известную книгу «Общественный строй древних германцев»⁵. В предисловии к этой книге Александр Иосифович писал:

«Настоящая работа, вышедшая из семинария профессора Д.М. Петрушевского, возникла под непосредственным влиянием того пересмотра ряда спорных проблем хозяйственной и социальной истории раннего средневековья, который нашел свое наиболее пол-

ное отражение в двух больших исследованиях А. Допша... Автор настоящей работы, оставляя в стороне основную идею Допша об органическом взаимодействии римской и германской культуры, предпринял попытку проследить нить его аргументации в пределах одного ее звена, а тем самым проверить справедливость его точки зрения на общественный строй древних германцев».

В свое время я очень подробно занималась этой книгой в связи с некоторыми проблемами, которые меня интересовали. Эта книга, которая написана под непосредственным влиянием и Дмитрия Моисеевича, разделявшего теорию Допша, и под влиянием, несомненно, самого Допша, как я уже указывала, напечатана в 1929 г. В это же время появилась и небольшая статья Александра Иосифовича в Большой советской энциклопедии в томе 16-м, посвященная древним германцам, под названием «Германцы». В этой статье Александр Иосифович проводит ту же точку зрения, которую он выражает в книге, следуя по пути, намеченному Допшем.

Любопытна литература, которую приводит Александр Иосифович в конце своей статьи в Большой советской энциклопедии. Он приводит в числе одного из первых авторов Петрушевского Д.М. Но характерно, что он приводит работу Дмитрия Моисеевича не раннего его периода, т.е. не лучшие идеи Петрушевского, не «Историю средневекового общества и государства»⁶, а приводит порочную, с методологической точки зрения, антимарксистскую работу Петрушевского об экономической истории Западной Европы⁷. Первую работу Александр Иосифович даже не цитирует.

Книга Александра Иосифовича подвергалась много раз критике, и критиковали ее уже давно, может быть тогда, когда современная молодежь, да и здесь присутствующие, не все слышали эту критику. Меня в данном случае интересует не этот вопрос. Меня в данном случае интересует вопрос, почему Александр Иосифович, наш советский историк, с 1929 года, т.е. в течение 20 лет, не выступил в печати, не выступил на ученых советах, не выступил на кафедре, словом не выступил нигде на большом собрании с опровержением и критикой своих ошибочных, порочных взглядов. Фигура умолчания не может считаться сколько-нибудь приемлемой в наших условиях. Наш принцип, большевистский принцип, которому мы все обязаны следовать, заключается в том, что человек, совершивший ошибки и осознавший эти ошибки, должен о них говорить открыто.

Но преклонение перед «последним словом» западноевропейской науки, мне кажется, выражается у Александра Иосифовича не только в его работах ранних, не только в той работе, которая является полным расхождением с основными методологическими установками, развитыми классиками марксизма, в частности Эн-

гельсом в его известных работах. Мне кажется, что у Александра Иосифовича его преклонение перед западной наукой выражается и в органическом восприятии идей немецкой историко-юридической, правовой школы.

Здесь нужно указать на следующие моменты. Прежде всего – на полное отсутствие критики буржуазной историографии, критики немецкой школы. В статьях А.И. Неусыхина и в статьях его учеников развернутой марксистской критики, борьбы с буржуазной историографией мы не находим, хотя этих статей очень много.

В работах Александра Иосифовича и его спецкурсах и в его спецсеминарах, – мне по заданию кафедры приходилось читать программы и того и другого, – мы встречаемся с некоей нарочито туманной терминологией, как сейчас иногда говорят в отношении таких работ, гегельянской терминологией, которая не дает возможности нам сразу ухватить существо дела, понять, что же здесь автор той или иной статьи, той или иной программы хотел сказать. Далее мы имеем здесь уход в чистейшую фактологию, уход, который культивируется и в работах учеников Александра Иосифовича.

Вот его работа в «Ученых записках МГУ», 1947 г., 114-й выпуск. Целью очерка Александр Иосифович ставит следующее. Как он пишет: «Настоящий очерк имеет целью поставить на весьма ограниченном, узко-локальном материале некоторые общие вопросы аграрного развития раннего средневековья, вопрос о структуре манса, о степени раздробленности земельной собственности и процессе ее мобилизации и, наконец, о распространенности крупных вотчинных и местных крестьянских владений в Рейнской области в конце VIII – начале IX вв.». И дальше, без общих выводов из материала, который дается, следует целый ряд страниц его работы.

Привожу одну статью, а таких статей мы имеем очень много, и все они написаны в фактологическом плане без обобщающих выводов.

Я хочу задать вопрос Александру Иосифовичу, который является очень уважаемым у нас профессором, имеет всегда множество учеников, вопрос вот какой – в чем же вы как советский историк видите свою задачу воспитания нашей молодежи на материале первоисточников, и в частности того материала, который вы изучаете с ними? В чем и как вы проводите на этом материале наши марксистские идеи? Я смотрела ваши статьи, интересовалась ими и не могла понять, в чем принципиальное отличие всех ваших работ от работ немецкой историко-юридической, правовой школы. Мне хотелось бы услышать от Александра Иосифовича на каком-либо из собраний ответ на этот вопрос. У А.И. Неусыхина есть некоторые установки относительно правовых юридических надстроек и их взаимо-

отношения с базисом, но эти установки, которые дает Александр Иосифович, с марксизмом не имеют ничего общего.

Приведу два примера. Первый пример из «Введения», которое Александр Иосифович дает в программе спецкурса в качестве методологической предпосылки, спецкурса, читаемого им в Университете, – «История права и учреждений в Западной Европе в эпоху раннего средневековья». Это «введение» взято из старого спецкурса Александра Иосифовича, которое, как я знаю, в настоящее время им переделано. Я, по поручению Сергея Даниловича Сказкина, читала этот спецкурс в его первоначальном виде. С такой оговоркой я хочу зачитать конец этого методологического введения.

Александр Иосифович пишет после того, как разъяснил необходимость заниматься данным материалом:

«Лишь сочетание систематического и исторического рассмотрения раннего феодального права в процессе его становления способно содействовать проникновению в движущие силы того процесса общественного развития, который привел к возникновению феодализма в Западной Европе, а также к пониманию закономерности этого процесса».

Вторую формулировку подобного же рода «от права – к фундаменту» я хочу процитировать из статьи Александра Иосифовича «Понятие свободы в эдикте Ротари» (Сб. Средние века, т. II, 1946 г.). Здесь первая фраза совершенно совпадает с тем, что дано в конце идеалистического введения к спецкурсу: «Варварские правды оперируют целым рядом понятий, содержание и смысл которых нуждается в предварительном истолковании для того, чтобы они могли стать орудиями нашего познания отраженной в правдах социальной действительности» (стр. 82). Совершенно то же самое, что сказано и в специальном курсе.

Должна сказать, что и в статье А. Данилова (см. Труды Томского Гос. Ун-та, т. 103, 1948 г. «К вопросу об эволюции фоггства как одной из форм права феодальной собственности»), который, вообще говоря, выступал с очень удачным докладом на заседании кафедры истории средних веков перед своим отъездом в Томск, и в статье Граменицкого⁸ «К вопросу о происхождении и содержании франкского иммунитета», и в статье Михаловской⁹ («Каролингский иммунитет»), опубликованных в «Средних веках» 2-ой выпуск, и в статье покойного Вейса¹⁰ «К вопросу о природе фоггства в Германии X–XII вв.» мы встречаемся с тем же самым. Ни в одной из этих статей вы не найдете критики буржуазной историографии. Если речь идет о некоторой полемике, то эта полемика дается в очень объективистском духе: спорят два ученых собрата. Допустимо это? Думаю, что это недопустимо.

Последнее, что мне хотелось бы сказать об Александре Иосифовиче, – это следующее. Вот мне помнится, что Александр Иосифович очень много сил потратил на то, чтобы с помощью или руками своих учеников перевести и отредактировать книгу Зелигера¹¹. Я и тогда удивлялась особенному рвению Александра Иосифовича на этот счет, и сейчас я хотела бы об этом вспомнить. Книга, которая свидетельствует о начале кризиса в исторической науке в XX веке, книга, которая исходит из ревизии буржуазно-позитивистской историографии по вопросам генезиса западно-европейского феодализма, книга, которая выступает против учения о поглощении в каролингскую эпоху мелкой собственности крупным церковным и светским землевладением, эта книга не представляет такой большой ценности, чтобы ее из всей суммы других книг мы старались бы переводить на наш русский язык. Я не знаю и не могу сказать, в какой степени Зелигер был знаком с учением марксизма. Мне это сказать невозможно, но я совершенно отчетливо понимаю, что в 1940 г., когда эта работа предпринималась Александром Иосифовичем, Александр Иосифович был прекрасно знаком с работами Энгельса. Такие работы Энгельса, как «Франкский период», как «История древних германцев», т.е. такие работы, которые опубликованы в XV и XVI томах соч. Маркса и Энгельса, в 1937 г., – эти работы были уже известны Александру Иосифовичу.

Почему, спрашиваю я, нужно было стараться переводить книгу этого Зелигера? Думаю, Александр Иосифович даст на этот счет нам какой-либо ответ.

Одной из форм буржуазного космополитизма в области средних веков является принижение русской и советской медиевистики. Одним из ярчайших примеров подобного принижения русской и советской медиевистики является ленинградский историк Вайнштейн, опубликовавший в 1940 году «Историографию средних веков»¹². Имя Вайнштейна мне приходилось слышать в последнее время на некоторых партийных собраниях, на которых я бывала. В последнее время его называют родным братом Рубинштейна в смысле его методологических установок. Думаю, что эта квалификация совершенно правильная. Книга Вайнштейна является образцом космополитических идей, преклонения перед западноевропейской историографией, принижения русской историографии и нарочитого смазывания ее приоритета, является образцом полного отрицания роли марксистской советской историографии.

Должна сказать присутствующим, что в 1940 году, т.е. девять лет назад, на заседании кафедры истории средних веков ИФЛИ, я выступила с очень резкой критикой книги Вайнштейна. К той критике, которую я давала тогда (конечно, в то время такой квалификации, как

пропаганда идей буржуазного космополитизма, я не давала), я вряд ли что могу прибавить.

Я указывала, что особенно критически надо отнестись к 9 главе, посвященной русской медиевистике, я говорила о смазывании роли русской медиевистики, говорила об отсутствии марксистской критики по отношению к буржуазной историографии. Говорила о совершенно недопустимой 10 главе в этой книге, где игнорируются важнейшие работы классиков марксизма-ленинизма, важнейшие методологические указания по истории средних веков. Говорила, что историография средних веков в СССР дается в виде случайного набора имен, без всякой проблематики. В то время моя точка зрения заключалась в том, что эта книга как учебник не годится. Я думаю, что здесь будут выступать товарищи, которые дадут соответствующую оценку этой книге. В своем вступительном слове я должна сказать, что отношение к книге Вайнштейна у меня не изменилось.

Сейчас я хотела бы остановиться лишь на одном моменте, на моменте о том, как Вайнштейн дискредитирует русскую революционно-демократическую историографию, как Вайнштейн расправляется с лучшими представителями этой историографии, теми представителями, о которых так много писал В.И. Ленин. Полное непонимание того, что Грановский, Герцен, Белинский, Станкевич, Огарев были горячими патриотами своей родины, своего народа, за который они были готовы отдать свою жизнь, проходит красной нитью через высказывания Вайнштейна в его «Историографии».

Я приведу лишь один пример, наиболее яркий, с фигурой Грановского. Вот что пишет Вайнштейн о Грановском: «Грановский превратил свою кафедру всеобщей истории в центр пропаганды западнических идей. Он учил своих многочисленных слушателей... преклоняться перед прогрессивным развитием Запада, перед его передовой культурой, его общественно-политическим строем, открывавшим возможность для относительно свободного творчества и представлявшим яркий контраст с тогдашней российской действительностью. Грановский был романтиком, поклонником Гегеля... Воспитанный в школе немецкого романтизма, он “противовес его консерватизму” нашел в трудах французских либеральных историков – Тьерри и Гизо» («Историография средних веков» 1940, стр. 2).

Спрашивается, что в этой характеристике Грановского есть от русского революционного демократа, от той действительности, которую так горячо желал исправить Грановский, являвшийся глубоким патриотом своей родины?

Этой клеветнической характеристике Грановского я хочу противопоставить слова Герцена из его замечательной книги «Былое и думы», где он писал о Грановском 40-х годов следующее: «Новые дру-

зья (в Москве т.е.) приняли нас горячо, гораздо лучше, чем два года тому назад. В их главе стоял Грановский, – ему принадлежит главное место этого пятилетия. Огарев был почти все время в чужих краях. Грановский заменял его нам, и лучшими минутами того времени мы обязаны ему». «Грановский и Белинский, вовсе не похожие друг на друга, принадлежали к самым светлым и замечательным личностям нашего круга». «Его сила» (Грановского) была, прежде всего, «в постоянном, глубоком протесте против существующего порядка в России» (стр. 272, 277, 278. «Былое и думы». ОГИЗ. 1946 г.).

То, что пишет Герцен, это далеко не то, что пишет Вайнштейн в своей историографии об одном из лучших представителей исторической науки в России.

К числу работ наших ученых, несомненно принижающих русскую культуру, или вернее умаляющих историческую роль России, принадлежит и тот учебник по истории средних веков, который выпущен, как вы знаете, 1-й том под редакцией Косминского, Удальцова, Вайнштейна и 2-й том под редакцией Сказкина и Вайнштейна. Для этого учебника характерен европоцентризм, полное игнорирование истории СССР и вообще истории Восточной Европы. Многообразие связей Киевской Руси с западом, всемирно-историческая роль России и других народов нашей родины в создании мировой культуры, в борьбе с азиатской степью, прогрессивная роль этой борьбы, позволившей западноевропейским народам развиваться свободно и проч., все это совершенно опускается. В учебнике все изложение ведется так, как будто бы России на свете вообще не существовало. Что может быть ярче этого примера полного забвения советского патриотизма редакторами и авторами учебника.

Перехожу к вопросу о традиционализме. В этой части своего вступительного слова я не буду останавливаться подробно на характеристике тех порочных высказываний, которые делал сам Евгений Александрович Косминский в своих трудах и о которых мы уже много говорили и от которых он сам отказался. Это – вопрос о четырех поколениях медиевистов в «Исследовании по аграрной истории Англии XIII века», это – вопрос о Петрушевском, который «воспитал целую школу историков-марксистов», в сб. «Средние века» т. III¹³.

Эти неправильные высказывания, к которым можно присоединить отчасти, правда, в несколько другом плане, и статью Александра Иосифовича Неусыхина, посвященную памяти Петрушевского во II сборнике «Средние века», эти неправильные высказывания и неправильные статьи Александра Иосифовича в свое время подверглись критике в нашей партийной печати. Не знаю, помнят ли из вас все, но на всякий случай я напомним тот факт, что 1 марта 1947 года З.В. Мосина выступила в газете «Культура и Жизнь» со статьей «Не-

критическое отношение к буржуазной историографии». Там она прямо сформулировала, что Е.А. Косминский в своей статье крайне переоценил роль Петрушевского в формировании школы советских медиевистов-марксистов и что в сборнике есть статьи, авторы которых не только не пытаются оценить тот или иной труд Д.М. Петрушевского с марксистской точки зрения, но навязывают советскому читателю буржуазно-либеральные концепции. Так писала З.В. Мосина в отношении статьи А.И. Неусыхина «Д.М. Петрушевский. Опыт характеристики». Я не буду подробно останавливаться на этих уже раскритикованных статьях и положениях. Остановлюсь немного на ошибочных высказываниях в книге В.М. Лавровского «Очерки по истории английского манора XVI–XVIII вв.».

Мне пришлось познакомиться с этой книгой по официальному поручению дирекции, давшей мне в числе других (товарищей Семёнова, Архангельского и других) эту книгу для ознакомления. Не буду излагать подробно все те замечания, которые делались по поводу этой книги на недавнем прошедшем собрании сектора истории средних веков. Скажу только, что обсуждение показало, что в этой книге, особенно во введении и в первой главе, В.М. Лавровский полностью преклоняется перед Савиным, перед его статистическим методом, абсолютизирует этот метод, гипертрофирует этот метод до невероятных размеров. Он выставляет Савина как стихийного марксиста, как последователя Маркса. Он игнорирует тот факт, что Савин открыто выступал против Маркса, открыто боролся с Марксом. Методологически эта книга (подавляющим большинством высказывавшихся в прениях) была признана порочной книгой, которая не может быть опубликована без коренной переделки.

Вот это нежелание понять классовую позицию своих учителей, нежелание вскрыть эту классовую позицию, показать, почему они занимали то или иное место в истории, характеризует наше старшее поколение. И о Виноградове мы не имеем развернутых статей и развернутых работ, хотя знаем ту характеристику, которую давал Виноградову Ленин, и мы знаем судьбу Виноградова. Мы знаем, что Виноградов отказался от русского подданства и предпочел ему подданство английское. Не дается развернутой критики Петрушевского, не говорится о его поправении после 1905 года и особенно после Октябрьской социалистической революции. Не дается развернутой критики Савина и его борьбы с марксизмом, а речь идет лишь о традициях, которые якобы идут непосредственно от буржуазной науки к нашей советской историографии.

Но этим традиционализмом, который представляет собой отрицание советской науки, отрицание той науки, которая стоит на единственно научной позиции, марксистской позиции, этой болезнью по-

ражены не только некоторые представители нашего старшего поколения, но и представители молодежи, и здесь мне хотелось бы сослаться на высказывания М.А. Барга, который выступал несколько месяцев тому назад у нас на секторе с самой неприкрытой пропагандой традиционализма, того, что нам необходимо вести традиции от старой, дореволюционной буржуазной историографии. Вот что говорил Бург на этом совещании: «Можно ли говорить, что наша советская медиевистика имеет какие-то традиции, или нет? Я ставлю это как вопрос. Конечно, одни традиции мы выбрасываем за борт, отказываемся от них, а другие мы должны развивать. Наша наука имеет замечательные дореволюционные традиции, как все другие науки.

Можно ли сказать, что мы работаем в области, в которой работали Савин, Петрушевский и Виноградов? Можно. Если мы не встанем на такую точку зрения, то мы низкопоклонники перед Западом».

Так пишет Бург в правленной стенограмме. А в неправленной читаем следующее: «Вехи нашей науки не берут Октябрьскую революцию как первоисточник, как первоначальный итог человеческой науки. Можно ли сказать, что мы работаем в области Савина, Петрушевского и Виноградова? Можно. Но можно ли сказать, что мы встали на их точку зрения, что мы низкопоклонники? А если мы не стояли на такой точке зрения, то выходит, что мы сами себя творим, как пауки? Зачем нам эти выдумки, эти сочинения? ...Они лишают нас нашей гордости, говоря, что у нас ничего не было до революции и мы голы».

Вот вам представитель молодого поколения, который ведет наши традиции не от революционно-демократической части ученых, а от буржуазной историографии, передавая все наследство этой буржуазной историографии непосредственно в руки советских историков.

Должна сказать, что в традиционализме, в частности, можно упрекнуть и Левченко М.В., который в своей статье «Задачи современного византиноведения», опубликованной в 1945 году в «Византийском сборнике», пропагандировал следующее: «Неотложной и необходимой задачей советских византинистов должно явиться продолжение издания трудов академика В.Г. Васильевского, которые ценны не только своими выводами, но и образцовой методикой исследования. По ним учились прошлые и должны учиться будущие поколения византинистов» (стр. 4).

Такова большая опасность, которая имеется в области медиевистики.

Еще об одном коренном пороке в области нашей истории – отсутствии партийности. Здесь я не хочу давать развернутой критики,

а остановлюсь только на одном примере, может быть, одним из наиболее ярких примеров – на вопросе о том, как освещают наши историки историю католической церкви, как освещают наши историки вопрос о феодальной культуре, как освещают наши историки вопрос о виднейших представителях католического богословия.

Здесь я должна сказать прямо, что наши историки не ведут борьбы с католической церковью, а католическая церковь – это передовой отряд воинствующей империалистической реакции, самым теснейшим, самым непосредственным образом связанный с американским империализмом. Известно, какую роль в идеологическом арсенале современного Ватикана играет учение средневекового богослова Фомы Аквинского.

Как наши историки рассматривают и трактуют в своих трудах этот вопрос? Иначе как политическим недомыслием и политической слепотой эту трактовку назвать нельзя.

Возьмем книгу Гуковского «Итальянское Возрождение», т. 1-й, издание ЛГУ 1947 года¹⁴. Там мы читаем о Фоме Аквинском следующее:

а/ то, что он был учеником крупнейшего «философа», как его называет Гуковский, – Альберта Великого,

б/ то, что за 48 лет своей жизни Фома Аквинский написал громадное количество богословско-философских произведений, среди которых выделяется «Сумма богословия», «ставящая своей задачей дать в едином синтезе философское осмысление всего, с чем встречается человек» (стр. 106).

Так характеризует советский автор произведение, которое все «томистские» реакционнейшие институты Америки поднимают на щит, произведение, которое католическая церковь рассматривает и трактует как высшее слово католической мудрости. Допустимо ли это? И как подобные вещи могут появляться в нашей советской историографии?

в/ Философско-богословский синтез Фомы Аквинского, по мнению Гуковского, является «исключительно полным, охватывающим буквально все стороны жизни и при этом чрезвычайно слаженным, логически стройным и обозримым при всей своей грандиозности» (стр. 106). Автор подчеркивает не принципиальную иррациональность, лежащую в основе системы Фомы Аквинского, а ее логическую стройность. «Эта система дает Фоме возможность включить в свой синтез разрешение ряда вопросов...», причем разрешение это «оправдывает и философски осмысляет многие явления, которые настоятельно выдвигала итальянская жизнь XIII века».

Разве под этими словами, спрашиваю я вас, не подпишется любой католический богослов, тем более, что несколькими строками

выше Гуковский указывает, что в центре системы Фомы, системы, которая «философски осмысляет» итальянскую жизнь XIII века, стоит бог или чистое действие? Что может быть более вредного, более антипатриотического в настоящее время, чем подобные «рассуждения»?

Однако Гуковский не одинок. Католической историографии в истолковании того же Фомы Аквинского следуют и наши учебники, по которым учатся десятки тысяч студентов, учебники для исторических вузов под редакцией Косминского, лекции в высшей Партийной школе под редакцией Удальцова и Сказкина, и т.д.

Католической историографии следуют эти учебники и в оценке средневековой культуры в целом. «Главной носительницей культуры в феодальной Европе в XI–XV вв. была, как и в предшествующий период, феодально-католическая церковь» (гл. XXIII), – читаем мы в I томе учебника. Характер церковной культуры здесь не раскрыт, реакционная роль католической церкви не выявляется.

Предпоследним вопросом, на котором я хочу остановиться, является вопрос о пренебрежительном отношении к вопросу о приоритете русской науки.

Упрек в этом отношении мы должны сделать всем медиевистам, и в первую очередь нашим старшим товарищам. Не показана роль наших русских исторических школ по сравнению с западноевропейскими школами. Вместо того, чтобы «причесывать» наших старых буржуазных историков под марксизм, надо было бы показать, в чем была прогрессивность той же русской либеральной буржуазной историографии в области медиевистики по сравнению с историками Запада. Вот здесь, я думаю, мы должны требовать от наших историков очень многого.

И, наконец, последний вопрос – это вопрос об идеологических темах в области средних веков, и на этом я закончу. Здесь основным пороком в работах некоторых наших историков является вопрос о филиации идей.

Как известно, одной из особенностей буржуазной исторической науки было стремление выводить явления идеологии друг из друга, по идеалистической схеме филиации идей. В соответствии с этой схемой объяснить идеологическое явление – значит найти его источник в другом идеологическом же явлении. При такой установке социально-исторические корни идеологии совершенно игнорировались, и идеи рассматривались с чисто космополитической точки зрения. Подобного рода буржуазные космополитические теории нашли место и в трудах советских историков. Назову имена двух работающих вместе с нами товарищей – В.М. Лавровского и Ф.А. Коган-Бернштейн.

Вопрос о В.М. Лавровском я затрагиваю в связи с недавно состоявшимся на кафедре средних веков обсуждением, посвященным программе спецкурса Лавровского «Корни западноевропейской реформации». Программа, как выяснило обсуждение, являлась методологически порочной и методически беспомощной, и постановлением кафедры она была снята с чтения после обсуждения на заседании кафедры. Эта программа являлась типичнейшим «букетом» космополитических идей. Достаточно указать на некоторые вопросы и на то, как их трактует В.М. Лавровский.

Речь идет о происхождении западноевропейской реформации с точки зрения филиации идей, с точки зрения чисто идеалистической, по линии чисто идеологических связей. Поэтому мы встречаемся с такими пунктами программы, как «Проблема восточных корней катаризма», «Влияние идеологии маздакизма на последующие крестьянские движения», с такими пунктами, как «Францисканство и вальденство в их взаимоотношениях и идеалах», с пунктом «Религиозная борьба и противоречия XIII в.» и «Подъем средневековой религиозности» и т.д. Об этом мы много говорили на заседании кафедры. Скажу только, что программа является образцом космополитических идей в области, связанной с трактовкой идеологических вопросов в области средних веков.

И, наконец, я назвала имя Ф.А. Коган-Бернштейн в связи с одной ее статьей, помещенной в 1946 г. в «Вопросах истории» в 2–3 номерах и называющейся «Трактат Ла Бозэси “О добровольном рабстве”». Начинается эта статья следующей фразой: «“Рассуждение о добровольном рабстве” Этьена Ла Бозэси – один из замечательнейших документов французской публицистики XVI века. Пафос работы, которым пропитана каждая строка его, яркая литературная форма, своеобразная красота его построенных на античный лад пространственных периодов – все это делает трактат рано умершего французского публициста одним из шедевров мировой политической литературы» (стр. 106).

Оценка дается сначала форме. Далее говорится, что трактат, написанный в середине XVI века, «в пору почти полного политического спокойствия», стал, однако «прообразом и до известной степени исходным пунктом литературы французских монархомахов, превратившись в период религиозных войн в руках гугенотов в одно из орудий их борьбы против последних Валуа» (стр. 106). Вот что пишет Фаина Абрамовна о трактате Ла Бозэси. Но затем она делает в высшей степени странный вывод, с которым не может согласиться ни один марксистский исследователь. Она говорит, что об этом трактате писали очень многие историки и современники, что даже современники Ла Бозэси разделились в вопросе о понимании характера

этого трактата и что уже в XVI веке возникли те две основные черты его трактовки, которых до сих пор придерживаются исследователи. «Одни», говорит Фаина Абрамовна, «видят в трактате Ла Боэси памфлет, метивший в политические порядки тогдашней французской монархии, а другие – не имеющее никакого отношения к окружающей Ла Боэси французской действительности, отвлеченное, хотя литературно яркое, рассуждение на тему тирании» (стр. 113).

Я, говорит Фаина Абрамовна, присоединяюсь ко вторым и придерживаюсь второго толкования, т.е. толкования о том, что трактат не имел никакого отношения к окружающей действительности. Правда, в «рассуждении» кое-где вкраплены какие-то глухие и неопределенные намеки на окружавшую автора действительность. Имелись ли они в первоначальном тексте или были внесены потом лицами, окончательно отредактировавшими его, – и в том и в другом случае эти краткие и туманные ссылки на современность не меняют основного характера труда Ла Боэси, представляющего по форме очень яркое и сильное, а по существу теоретически слабое рассуждение о политическом рабстве народов вообще, о причинах этого рабства и способах избавления от него. Возможно, что поводом к написанию трактата послужило для Ла Боэси какое-нибудь актуальное событие из жизни тогдашней Франции, но оно дало только толчок для разрядки той массы образов и идей, которые накопились у юноши-гуманиста от многолетнего ежедневного общения с книжной стихией, в частности с литературой античности. Правильна мысль «об исключительном всепроникающем влиянии на “Рассуждение о добровольном рабстве” книжных реминисценций» (стр. 114). Что это, как не принципиальный отрыв мыслителя от окружающей его действительности, отрыв, который обоснован принципиально.

Таковы пороки в области нашей историографии.

Каковы причины этих пороков? Я позволю закончить свое вступительное слово словами тов. Жданова о причинах отставания философов, словами, произнесенными им на философской дискуссии: «...Здесь часто употребляется выражение “философский фронт...”». Только я попрошу присутствующих считать философский фронт историческим. «А где, собственно говоря, этот фронт? Философский фронт не совсем похож на наше представление о фронте». «Он скорее напоминает тихую заводь или бивуак где-то далеко от поля сражения. Поле боя еще не захвачено, соприкосновения с противником большей частью нет, разведка не ведется, оружие ржавеет, бойцы воюют на свой риск и страх, а командиры или упиваются прошлыми победами, или спорят, хватит ли сил для наступления, не следует ли потребовать помощи извне, или на тему, насколько сознание может отстать от бытия, чтобы не показаться чересчур отсталыми».

«Конечно, причина отставания не связана ни с какими объективными условиями. Объективные условия как никогда благоприятны, материал, ждущий научного анализа и обобщения, безграничен. Причины отставания на философском фронте надо искать в области субъективного». «В чем же все-таки корни субъективных ошибок ряда руководящих работников философского фронта? ... Ответ на этот вопрос, видимо, может быть один – недостаточное уяснение основ марксизма-ленинизма и наличие остатков влияния буржуазной идеологии».

Академик КОСМИНСКИЙ Е.А.: Товарищи, мы с большим интересом выслушали вступительное слово Нины Александровны, которая очень обстоятельно перечислила все наши грехи как по части космополитизма, так и по частям сопредельным, касающимся к этим областям.

Может быть, некоторые характеристики, которые дала Нина Александровна, могли быть несколько углублены. В той форме, как она их дала, они могут вызвать реакцию со стороны тех лиц, которые им подверглись не только в смысле признания, но, может быть, и в смысле возражений, но это мы выясним в порядке прений. Сейчас я разрешу себе взять слово.

Я хотел бы сказать о работе своей лично и моих товарищей, о работе сектора и кафедры в целом в другой области, которой Нина Александровна смогла коснуться только очень бегло, области, которую я считаю исключительно важной и исключительно ответственной, но которая у нас как-то всегда на втором плане, которая всегда бывает загнана в дальний угол другими как будто бы более настоящими и неотложными задачами.

Конечно, работа сектора, в первую очередь, в значительной степени работа кафедры – это работа научно-исследовательская, это построение марксистской науки об истории средних веков. Значение этой работы я никак не хочу преуменьшать, но ведь наши заседания собирают сравнительно небольшое количество присутствующих, наши монографии выходят небольшим сравнительно тиражом, наши журнальные статьи часто читаются немногими специалистами, но ведь есть область, в которой мы обращаемся к тысячам, обращаемся к сотням тысяч, обращаемся к миллионам. Я хочу напомнить вам об этих книжках: об учебнике для вузов и об учебнике для средних школ. И на том и на другом значится гриф Академии наук СССР, Институт истории. Наш сектор, сектор истории средних веков, так или иначе, приложил к ним свою руку и потому несет за них ответственность. Конечно, в первую очередь несут ответственность те, чьи имена значились здесь как имена редакторов. Учебник средних веков для вузов первый том вышел под редакцией Удальцова, Кос-

минского и Вайнштейна, второй том вышел под редакцией Сказкина и Вайнштейна. Первый том вышел вторым изданием в 1941 году. Это одна книга, о которой необходимо сейчас сказать. Другая книга – это книга обращена к студенчеству, обращена, прежде всего, к студентам исторического факультета. Эту книгу читают не только студенты, эта книга служит также для самообразования и, несомненно, имеет большой круг читателей.

Затем я хочу сказать об учебнике для средней школы, на котором тоже значится гриф Института истории, который обсуждался у нас на секторе и который уже обращен не к тысячам и не к сотням тысяч, а к миллионам. По этим книгам учатся советские дети и учителя советская молодежь.

Я не буду сейчас говорить об их качествах, о качествах этих книг в научном и методическом отношении. Я надеюсь, что в короткое время здесь же у нас будет создано собрание, на которое мы привлечем актив и преподавателей высшей школы и педагогов Москвы для того, чтобы обсудить в первую очередь наш учебник по истории средних веков для высшей школы. Я хочу задать один только здесь вопрос.

Ведь учебник должен давать не только определенную сумму знаний, систематически изложенных. Учебник является также важнейшим орудием идейно-политического воспитания, воспитания подрастающего поколения как советских граждан и как патриотов. И вот это значит поставить вопрос: соответствует ли этот учебник данной задаче, воспитывает ли он советских граждан и советских патриотов? Мне кажется, что на вопрос – удовлетворяет ли этой цели учебник, – я говорю сейчас про учебник для высшей школы, потом скажу о другом учебнике, – этой цели учебник не соответствует.

Прежде всего, надо сказать, что история вообще, историческая наука вообще, а история средних веков, в частности – это поле битвы, поле битвы между реакционной буржуазной наукой и советской марксистско-ленинской наукой. То, что мы даем в качестве результатов наших работ, а ведь это сейчас дается учебник, – добыто с боя, добыто в жестокой битве. Вся область средних веков – это как раз может быть наиболее боевой участок исторической науки. Здесь ведь главным образом развиваются и коренятся идеи расизма, исконности частной собственности, исконности и вечности капиталистических отношений, здесь происходит в настоящее время реакционнейшая реабилитация, даже не реабилитация, а идеализация католической церкви, вознесение ее на некий пьедестал.

Может ли вузовский учебник обойти это обстоятельство? Можем ли мы преподавать студентам историю средних веков, ничего не говоря об этой борьбе? Несомненно, такого рода преподавание бу-

дет совершенно односторонним и не достигающим той цели, о которой я говорил вначале.

Конечно, учебник истории не должен подменять курс историографии – это само собой ясно, но в то же время он не может не касаться тех вопросов, той битвы, которая развивалась вокруг хотя бы религиозных вопросов истории средневековья.

Как же поступает разбираемый учебник? Мы видим, что в первом издании первого тома имеются историографические экскурсы по отдельным вопросам и имелась целая глава, посвященная историографии средневековья. Я не говорю о качестве этой главы. Глава написана историком, имя которого здесь называлось – Вайнштейном, но, во всяком случае, историографическая глава была, были отдельные историографические экскурсы по ряду других вопросов.

Во втором издании историографическая глава была выброшена, были выброшены также отдельные историографические экскурсы, которые давали критику хотя бы важнейших буржуазных теорий.

В предисловии ко второму изданию мы читаем: «Эти главы стали излишними в связи с выходом в свет специального учебника по историографии средних веков» (Ссылка – Вайнштейн, «Историография средних веков»).

Мы, конечно, не можем сказать, что ссылка на учебник неудовлетворительный, даже порочный, что она в какой-то мере заменит показ той ожесточенной борьбы, которая идет вокруг основных проблем истории средневековья. Даже если мы создадим учебник историографии средних веков, а создание такого учебника – наша обязанность после того, как мы остались неудовлетворенными учебником Вайнштейна, и давно надо было это сделать, – если такой учебник будет, все же это не снимает с нас задачи дать курс истории средневековья не только догматически, но и остро критически. Это один порок учебника, – что борьба, которая ведется вокруг отдельных проблем истории средневековья, борьба с реакционной наукой не показана.

Другой вопрос, об этом уже сказала отчасти Нина Александровна. Действительно, из учебника почти устранена история СССР. Учебник, в сущности говоря, лишь иногда на краткие миги, на несколько строк вспоминает о существовании СССР. Я вовсе не хочу сказать, что учебник должен вводить какие-нибудь главы, посвященные истории СССР. Мне скажут, что одновременно с прохождением средних веков проходится по гораздо более расширенной программе история СССР. Это как будто бы должно служить ответом на упрек, что история СССР никак не отражена в истории средних веков. Но мне кажется, что это все-таки не ответ. Данный учебник давал в основном всемирную историю, не только историю Запада. Тут предла-

гали назвать учебник учебником истории Запада, но сюда входит не только история Западной Европы, но и история Восточной Европы, он не может исключать историю. Нам необходимо в этом учебнике показать мировоззрение истории СССР, важнейшее значение истории СССР и в истории Западной и Восточной Европы, и в истории мира в целом.

Если мы не будем при изучении истории средних веков все время иметь в виду историю СССР, иметь в виду ее огромную мировую роль, то у нас получится не история средних веков, а искаженная картина средневековья.

Я могу указать ряд примеров, когда мы видим странную забывчивость, странное искажение. Например, возьмем первую часть учебника, главу об арабах – арабские завоевания в Средней Азии. В связи с упоминанием о том, что арабы дошли до Сыр-Дарьи, поместили хотя бы несколько строк о том, что же было в это время в Средней Азии? Что они завоевали? Поместили хотя бы несколько строк о героическом сопротивлении народов Средней Азии против завоевания? Говорится об арабской культуре и ее влиянии на Европу.

Очень правильно сказано, что арабская культура – это собственно не есть культура арабов, а это есть результат активного воздействия многих цивилизованных народов халифата. Но каких же народов? Персов, греков, сирийцев, евреев, коптов, берберов, вестготов. Почему не указаны народы Средней Азии? Почему они пропущены? Потому что о них будет говориться в курсе истории СССР. Но тогда это будет полное искажение. Даже берберы и вестготы попали в число вольных народов. Почему забыты [пропуск], которых как раз можно было бы вспомнить в связи с влиянием арабской культуры на Запад.

Почему при распадении Арабского халифата говорится о всех местах, но государство Саманидов забыто с его блестящей культурой, с его расцветом Бухары, которая соперничала с Багдадом? Почему это забыто? Конечно, это случайность, но, во всяком случае, случайность очень характерная.

До последней степени кратко, небрежно дан вопрос о культурных связях Византии с Киевской Русью. Это – в первой части учебника. Во второй части первого тома пропущен такой факт, как монгольские завоевания. Можно ли представить себе историю Европы помимо каких бы то ни было упоминаний о монгольских завоеваниях, которые были страшной угрозой для Европы, и только героические усилия, героическая борьба русского народа, которая обессилила татар, только эта героическая борьба не позволила татарам оставить у себя в тылу незамиренную Русь, только она спасла Европу.

Лишь бегло упомянуты такие факты, как борьба Александра Невского с немцами, как битва у Грюнвальда, как связь с Новгородом.

Чрезвычайно скудно даны указания о роли России в международных отношениях, тогда, когда она, несомненно, играла громадную роль в международных отношениях начиная с Ивана III, особенно с Ивана Грозного. Очень нечетко показана роль международная и дипломатии России в позднем средневековье, роль России и русских в открытии новых стран, в сущности, показаны совершенно не адекватно.

Я не думаю, что учебник должен был повторять историю СССР, но историческая роль нашей родины, и не только России, а и других народов нашей родины, должна быть так или иначе показана. Но основным содержанием учебника, так или иначе, является история Западной Европы. Пусть так, но дело в том, что история Восточной Европы, которая ведь тоже входит в состав учебника, она, в сущности говоря, почти не показана, она отодвинута на задворки, а между тем, это большая ошибка и методическая, и политическая.

Это прежде всего относится к истории Византии, столь важной для истории нашей родины, затем к истории южных славян. История западных славян показана несколько больше, но тоже далеко не в должной мере. Обращено внимание на то, что древним славянам посвящено втрое меньше места, чем древним германцам. Первая часть учебника – это почти вся сплошь история Западной Европы. История Византии отнесена в конец части в виде привеска какого-то, хотя историю Византии нужно было дать вслед за крушением Западно-Римской империи.

Вместо того чтобы дать историю Западной Европы до XI века, дается обобщающая глава по истории западной культуры и только после этого дается очень краткий и мало удовлетворительный очерк истории Византии и южных славян. Византия в раннее средневековье, несомненно, играла гораздо большую роль, чем все варварские государства на Западе, византийская культура стояла выше значительно западноевропейской культуры этого времени, но, обратите внимание, западноевропейской культуре посвящено 17 страниц в особой главе, не говоря об отдельных упоминаниях в разных главах, а византийской культуре отведено всего лишь две страницы, арабской культуре, которая стояла выше западной, отведены две страницы.

Надо сказать, что обе эти главы – византийская и южнославянская, не говоря об арабах, – сделаны кое-как, конспективно. Это не только ошибка программы, а это есть искажение истории раннего средневековья.

Еще хуже обстоит дело с Византией и южными славянами в XI–XV вв. Там на три страны – на Византию, Болгарию и Сербию –

дано всего лишь десять страниц. Ни слова не говорится о культуре Византии и о культуре южных славян в эту эпоху, буквально ни одного слова, дается лишь чисто внешняя история. На три страны, игравшие крупную историческую роль, дано десять страниц, между тем, на историю Англии и на историю Франции отведено 35 страниц, и она развивается довольно подробно, но не адекватно истории западных славян.

Такое пренебрежение к народам Восточной и Юго-Восточной Европы ничем не оправдано. История этих стран, которые особенно привлекают наше внимание в связи с тем, что они являются в настоящее время в значительной своей части странами новой демократии, она должна быть показана.

Словом, этот европоцентризм, даже это нельзя назвать европоцентризмом, а постановка в центр внимания исключительно Западной Европы и даже некоторых из стран Западной Европы, он слишком выпирает в этом учебнике.

Я уже отчасти упоминал о культурно-исторических задачах, но, в сущности говоря, это только история культуры народов Запада, ничего почти не сказано о культуре славян как западных, так и южных.

Возьмем, например, последнюю главу в этой книжке, которая написана Вайнштейном, «История культуры Возрождения». Это возрождение рисуется исключительно как явление западное, даже, можно сказать, итальянское. Не упомянуто о возрождении в Византии, о возрождении в южнославянских странах, не говоря уже про Русь и [пропуск]. Можно подумать, что все культурное движение вперед человечества дал Запад, это совершилось только на Западе.

Я уже не говорю о том, что в культурно-исторических очерках, – об этом Нина Александровна говорила, – совершенно не адекватно показана та роль католической церкви и папства, которые все время занимались уничтожением и свободной мысли, и свободы народов. Обо всем этом сказано, но сказано уж очень бледно, уж очень с эпическим спокойствием.

Мне кажется, что тут не мешало бы внести немножко страсти и темперамента в эти вопросы. Для этого не нужно искажать истории, для этого нужно рассказать, как дело было на самом деле.

Показаны в последней особенно части культурные успехи Западной Европы во всех областях жизни, но не показано, недостаточно показано другое, что рядом с этими успехами, которые все еще оставались достижениями сравнительно небольших единиц, господство в той же Западной Европе и жесточайшего суеверия, и жестокого изуверства, совершенно даже независимо от того, к какой церкви эти изуверы принадлежали. И протестанты, кальвинисты были такими же изуверами, как католики.

Учебник, на котором значится «Академия наук СССР. Институт истории», учебник тиражом в 100 тыс. экземпляров не может содействовать воспитанию советской молодежи в духе советского патриотизма, и в ряде вопросов он дает неверное освещение истории, преувеличивает культурную роль Западной Европы, недооценивает культурную роль Восточной Европы, в том числе и СССР. На нас, и на секторе и на кафедре истории средних веков, лежит обязанность дать высшей школе новый учебник. Это уже давно стало нам ясно, давно мы об этом ведем разговор, но до сих пор работники сектора и кафедры, я бы сказал, постоянно отвлекаются другими занятиями, которые тоже кажутся не менее важными, а это важнейшее дело все еще двигается вперед очень медленно. Между тем к нам уже предъявляют определенные претензии, претензии с мест на то, что учебник уже в данное время не удовлетворяет ни преподавателей, ни слушателей, и мы должны этот вопрос сейчас выдвинуть на первое место и заняться исправлением всех тех грубых ошибок, которые допущены в данном учебнике.

Тот же гриф «Академия наук СССР. Институт истории» стоит на учебнике для средней школы, на учебнике, который уже обращается к миллионам. Если бы я стал перечислять его недостатки, это были бы почти те же недостатки, которые я перечислял, говоря об учебнике для высшей школы.

Конечно, я не говорю о том, что в учебнике для средней школы должны быть историографические экскурсии, но в то же самое время забвение истории СССР, выпирание Западной Европы, вытеснение внимания Восточной Европе – все это характерно для данного учебника.

Я тут могу сказать в оправдание свое лично, что мною уже написан другой учебник, и должен скоро появиться в свет учебник, в котором введена специальная глава, посвященная истории СССР, где выдвинут на первое место как раз вопрос о мировой роли СССР и о роли, особенно, СССР в создании мировой культуры.

Эта работа, таким образом, прошла, надо сказать, мимо сектора, и сектору придется этим делом заняться, – подготовленный мною учебник подвергнуть критике и поднять его, может быть, на более высокую научную и политическую ступень.

Я хочу сказать, что в этот угол нашей работы над учебниками мы заглядываем слишком редко. Нам необходимо этим делом заняться, потому что здесь дело обстоит неблагоприятно, но пережитки и реминисценции старых буржуазных учебников, та одержимость идеями буржуазного космополитизма, европоцентризма, преклонения перед Западом, они ясно сказались и на данных учебниках, и они должны быть исправлены как можно скорее.

У нас есть 15 человек записавшихся, двое уже высказались. Конечно, мне следовало бы установить регламент, перед тем как взять слово... Теперь разрешите наверстать упущенное. Есть предложение установить регламент 10 минут. /Принимается/

Слово предоставляю В.Ф. Семенову.

СЕМЕНОВ В.Ф.: Н.А. Сидорова сделала очень содержательный, глубокий в теоретическом отношении доклад и чрезвычайно насыщенный конкретным и фактическим материалом. Из этого доклада вытекает с совершенной очевидностью, во-первых, то, что космополитизм действительно существует не только в области театральной критики, литературной критики, но существует и в области исторической науки, и не только существует в области новой и новейшей истории, но существует и в той дисциплине, в которой мы непосредственно работаем, т.е. в истории средних веков. Те факты, которые приводила докладчик, они действительно заставляют задуматься и призывают к исправлению этих отдельных очень тяжелых ошибок.

Другое, что вытекает из этого доклада, – это именно то, как нам всем необходимо поднять идейно-политический уровень нашей работы, потому что жизнь идет, классовая борьба все более и более разгорается и приобретает характер гигантской, грандиозной диверсии современного империализма, пытающегося концентрировать свои силы на нашей советской стране. Действительно, те работы, которые в свое время считались хорошими, неожиданно вдруг обнаружили зияющие пробелы и крупнейшие дефекты.

В настоящее время больше чем когда-либо замечается, как требования к историкам, в частности, историкам медиевистам растут с такой быстротой, что авторы проявляют здесь как бы некоторую неспособность поспеть за жизнью.

Мне хотелось сказать, что борьба с космополитизмом, конечно, может проявляться в разных вещах.

Прежде всего, борьба с космополитизмом может, по-моему, и должна выражаться в том, чтобы мы излагали исторический процесс истории средних веков действительно так, как он происходил, так, как его нужно объяснить с точки зрения диалектического метода, метода марксизма-ленинизма. В этом смысле и приходится начинать, прежде всего, с таких общих работ наших, как с общих курсов. Прежде всего, приходится сказать об учебниках, потому что учебник представляет собой развернутую программу в истории средних веков так, как она уже отработана советскими историками, и Е.А. Косминский говорил здесь о тех недостатках, которые имеются в этом учебнике, наиболее ходовом, изданном под грифом Института истории Академии наук СССР.

Мне кажется, что основные недостатки – это, во-первых, отсутствие историографического момента, критики; во-вторых, европоцентризм; и в-третьих, недостаточное развитие моментов из истории славян и недостаточная констатация фактов связей и выяснения самой роли народов России и других народов, впоследствии образовавших Советский Союз. Поэтому мне представляется, что вопрос должен быть решен в новом издании учебника, который будет радикально исправлен.

Одна из таких радикальных мер. Можно полнее построить учебник не в смысле истории одной Западной Европы. Нужно сказать, что по истории СССР есть отдельный учебник и дублировать его нам нет смысла, но историю народов Востока в период средневековья нужно обязательно включить. Только тогда и будет виден этот процесс во всем его многообразии, и тогда будет видно, что история Западной Европы нечто единое, единый процесс.

Правда, читаются специальные курсы по истории средневекового Востока, но в пединститутах, как правило, специальные курсы не читаются, особенно в провинциальных.

Таким образом, необходимо начинать с этого, дать историю всемирно-исторического процесса, и тогда история Средней Азии, Индии, Ближнего Востока будет поставлена на свое место, исторический процесс будет представлен в полном многообразии.

По части борьбы с космополитизмом необходимо обратить внимание на самую историю западноевропейского процесса. Мы даем его идеализированным, приглаженным. Стоит посмотреть на историю Англии. Историю английского парламента мы даем очень сочувственно, с такой симпатией, сочувствием, что под этим подпишется любой английский буржуазный историк. Взять крепостников английских. Они даются в чрезвычайно приглаженном виде.

Второй момент, на который следует обратить внимание, – это усиление критики против современных буржуазных историков, историков Запада, историков империалистической эпохи. В последнее время здесь кое-что было сделано. В «Вопросах истории» появился ряд статей по истории английской современной литературы, работа тов. Самойло¹⁵, по истории английской революции – тов. Гутновой, довольно много историографического материала есть в работе Е.А. Косминского по истории Франции, у т. Алпатова¹⁶ была статья «[пропуск]»¹⁷. По истории Германии была работа Зелигера, мои были работы¹⁸, так что кое-какой материал дан в оборот. Но это, собственно говоря, еще только начало, в частности, не дана современная историография средних веков американских историков, а между тем у них существует академия средних веков, и как раз их недостатки вскрыть очень важно, потому что они являются наиболее концентрированными, наиболее яркими.

В отношении нашей историографии до сих пор существует некоторая еще недостаточная резкость, некоторая мягкость выражений. Тут нам, безусловно, всем придется приучить себя еще более остро, еще более сильно выступать против буржуазного космополитизма.

Надо отметить, что в упомянутой работе Вайнштейна «Историография средних веков» особенно много содержится надстроек в части того, как не надо давать историографию средних веков. Уже помимо того, что в книге Вайнштейна совершенно незначительное место отведено советскому периоду, совершенно недостаточное место отведено критике русской медиевистики дореволюционной и не подчеркнут ее приоритет, западная историография дана неправильно; западноевропейская историография XIX века дана пристрастно. Взять ту же самую французскую школу Тьери, она дана неправильно.

Поэтому, мне кажется, просто необходимо отметить, что эта книга проф. Вайнштейна – как учебник она существует десять лет – в настоящее время совершенно не соответствует требованиям. Либо автор должен заявить о том, что действительно это книга плохая, что она не удовлетворяет его самого, или же он должен немедленно приступить к написанию новой работы.

Я думаю, что теперешний наш разбор заставляет нас еще более усилить внимание к своим работам и действительно сделать поворот в наших работах.

Космополитизм выставляет ряд положений, которые мы отмечали как недостатки работ, но когда их посмотришь под углом зрения космополитизма, они становятся еще более поразительными, еще более кричащими и требующими немедленного исправления.

САПРЫКИН Ю.М.: Товарищи, перед нами стоит задача вскрыть и беспощадно разгромить те идеи космополитизма, которые имеют хождение среди некоторых наших медиевистов и тормозят развитие нашей советской медиевистики. Каждый должен понять, что это не кампания, не временная мера, а что это большой процесс очищения нашей идеологии от пережитков буржуазного сознания для того, чтобы еще выше поставить нашу советскую медиевистику, еще выше поднять нашу советскую науку, и поэтому чем мы будем более беспощадны сами к себе, чем мы будем больше вскрывать наши недостатки, тем будет лучше.

Я хочу начать с характеристики работы нашей кафедры.

Для всех знающих нашу кафедру и особенно для работников этой кафедры совершенно очевидно, что за последние годы кафедра работает отнюдь не так, как она должна работать как кафедра ведущего вуза СССР. За последние годы кафедра не издала и даже не приготовила к печати ни одного нового спецкурса, ни одной моно-

графии. Большинство стенограмм и лекций или довоенного производства, или же военного производства. Так, например, лекции по историографии, читанные Евгением Алексеевичем еще в 1937 г., когда я был студентом.

Я не помню случая, чтобы за эти три года кафедра подняла бы какую-нибудь важную, большую научную проблему и разрабатывала ее последовательно и неуклонно. Я не помню случая, чтобы кафедра по-хозяйски обсудила какой-нибудь спецкурс. Я не помню случая, чтобы кафедра последовательно вела наступление на современную буржуазную историографию, периодически ставила доклады и детально обсуждала эти доклады. Научные доклады на кафедре ведутся неорганизованно, научная работа еще не поставлена на должную высоту.

Кафедра за последнее время взяла себе за манеру просто не собираться. Если в год бывало 4–5 заседаний, это хорошо. В этом году кафедра начала работу только в конце октября, т.е. через два месяца после начала учебных занятий. Я не ошибусь, если скажу, что кафедра наша как-то разделилась на ряд сильных, крупных мастеров, но они только учат аспирантов, студентов и работают без коллектива, который необходим нашей кафедре, творческий коллектив, который необходим, без которого не может двигаться вперед наша страна.

Вот почему мы можем вполне справедливо сказать, что кафедра, хотя имеет в своем составе крупных медиевистов, не занимается в той степени наукой, как ей следует заниматься. Кафедра, как спящая красавица, заснула, и я прошу вас, Евгений Алексеевич, разбудить эту кафедру. /Смех/

Я знаю, как кафедра работала до войны, и сейчас она должна так работать. Нужно ее разбудить.

Но не только организационная сторона работы кафедры хромает. Также требует коренного улучшения и воспитательная работа. Кафедра весьма мало активна в той идеологической борьбе, которую наша партия, наш народ ведут последние три года. Доклад о философской дискуссии, который мы поставили с большим опозданием, был очень академичен, не нацеливал профессоров, аспирантов на борьбу с буржуазной идеологией. В Университете единственная кафедра средних веков, которая не обсудила итогов сессии Академии сельскохозяйственных наук. Кафедра не обсудила 25-летие смерти Ленина. Эти даты являются очень большими воспитательными датами.

Научная продукция кафедры, главным образом, основных работников этой кафедры, слишком мала. Научная продукция за последнее время сводится к двум докладам: докладу Ф.А. Коган-Бернштейн и докладу А.И. Неусыхина о военной демократии.

Научная, творческая работа кафедры свелась, главным образом, к этим двум докладам.

Возьмем доклад Фаины Абрамовны. Доклад строится на тех космополитических позициях, с которыми мы должны беспощадно бороться. Совершенно правильно было отмечено, что филиация идей есть чистейший космополитизм. Фаину Абрамовну не интересует огораживание, обезземеливание крестьян в XVI в., эпохи первоначального накопления. Ее даже не интересуют те социальные условия, в которых складывались идеи Томаса Мора. Она взяла описания быта американских индейцев, которые появились в большом количестве в Европе после открытия Америки и, сравнив их с порядками Утопии, приходит к выводу, что идеи Утопии возникли под влиянием этой литературы.

Когда обсуждался доклад Фаины Абрамовны, был брошен упрек, что она ушла в своем исследовании от материального источника идеи. Она, защищаясь, писала о том, что всякий ученый вправе выбирать себе любую сторону вопроса и заниматься скрупулезно, как хочется.

Много вреда работе кафедры принесла идея о всемирно-историческом методе. Эта идея была брошена Виппером. Она была подхвачена на кафедре. Мало того, нашлись люди, которые поставили знак равенства между этим методом и методом [пропуск] материальным.

В чем суть этого метода? Суть этого метода в том, что изучается история не с точки зрения национальных, исторических и социальных коренных основ, а с точки зрения параллелей, аналогий, сопоставлений. Таким образом получается космополитическое изложение.

Когда говорили о курсе Владимира Михайловича, мне кажется, что этот курс был составлен под влиянием идей Виппера. Чем скорее мы покончим с этим методом, тем быстрее пойдем вперед.

Я поддерживаю высказанное здесь мнение, что у нас имеется недостаточное усвоение некоторыми работниками кафедры основ марксизма-ленинизма. На этот вопрос нужно обратить особое внимание, прежде всего, членам партии.

Наметилось резкое отставание между методологией и эрудицией: большая эрудиция и слабая методология. Это опасное отставание, опасный пробел, потому что здесь обязательно появятся сразу буржуазные идеи, появятся творческое бесплодие, делячество и прочие болезненные явления.

Задача состоит в том, что в нашей идеологии нам надо быть как на фронте: если ты отошел, обязательно твое место занимает противник. Профессорам и учащимся нужно это хорошо помнить, если отошел, сразу появляется противник. Поэтому надо всегда четко стоять за марксизм... /Голос с места: «Стоять не надо, надо двигаться!»/

Перед нами стоит задача борьбы с англо-американским империализмом. Надо иметь в виду, что англо-американский империализм сейчас особенно тщательно интересуется английской революцией. Английская революция для него, особенно для деятелей левого крыла, представляет очень важный и большой интерес, потому что американцы считают, что их конституция...

/Читает/

У нас вышли две книжки Хилла и Холореншоу. Казалось бы, книги, написанные буржуазными исследователями, буржуазными историками, даже хуже, лейбористами – это еще хуже, казалось, это должно было вызвать у советских историков особенно критический интерес, и вот мы имеем в журнале «Вопросы истории» две рецензии Левина по поводу этих книжек¹⁹. Что в них говорится?

К трехсотлетию английской революции XVII в. в Англии вышел ряд работ, в которых авторы пытаются на основе марксистской методологии пересмотреть укоренившиеся оценки и представления о революционных событиях 40–50-х годов XVII в. в Англии. К числу этих работ относятся: сборник очерков «Английская революция 1640 г.», изданный Кристофером Хиллом; содержательная работа Д. Пятигорского «Левое крыло демократии в английской гражданской войне» и рецензируемая, переведенная на русский язык научно-популярная книга Г. Холореншоу «Левеллеры и английская революция».

Сюда он относит работу Хилла, «содержательная работа Д. Пятигорского» тоже у него построена на основе марксистской методологии. Здесь главное, что Левин совершенно не вскрывает те социальные противоречия, которые имелись в левом крыле. Он совершенно принижает роль диггеров, роль низшей крестьянской демократии, пауперов и превозносит левеллеров, их демократизм и притом их выставил за идеологов трудящихся. Вот, например: «В главе “Природа революционных армий” автор правильно видит основную черту армии нового образца – политический радикализм» и то, что она представляла «временный союз двух классов и насчитывала в своих рядах представителей буржуазной собственности и борцов за дело трудящихся масс».

Я считаю, что «Вопросы истории», поместив эту статью, допустили грубую и большую политическую ошибку. Вместо критики получается поддержка самая форменная, получается не борьба, а контрабанда англо-американских взглядов.

УДАЛЬЦОВА З.В.: Нина Александровна в своем докладе первостепенное место отвела крупным ошибкам космополитического характера в советском византиноведении. Я как специалист в этой области хочу дополнить то, что совершенно правильно и подробно сказала Нина Александровна.

Прежде всего, бесспорно, в передовой статье первого тома «Византийского Временника» были допущены крупнейшие ошибки ярко выраженного космополитического характера. Это, прежде всего, проповедь мирового византиноведения, это – проповедь сотрудничества с зарубежной буржуазной историографией, это то, что в передовой статье «Византийского Временника» не проводилось грани между буржуазным византиноведением как в целом, так и русским.

Но я хочу остановиться на одном вопросе – это на основном отделе критики в первом томе «Византийского Временника» и на характере той библиографии, которая там дана. Нина Александровна вкратце говорила об этом. Я лишь добавлю к сказанному ею, на мой взгляд, чудовищный факт. В обзоре журнала «Византио»²⁰ Бергер пишет [пропуск]. Причем, самое интересное, что это объяснение делается американской серией журнала «Византио», который выходил в Америке, который возглавлялся Грегуаром. Вместо критического анализа этого журнала, вместо критики статей, помещенных в этом журнале, мы видим прямую апологетику этой американской серии журнала «Византио».

Отмечу только один момент. Грегуар говорит, что этот журнал, в частности его американская серия, проявляет особый интерес к революционной истории русского народа и народов Советского Союза. Надо сказать, что это только очень злая насмешка, потому что далее в этом же обзоре серии «Византио» приводится статья [пропуск], который дает клеветническую статью, направленную против русской историографии, которая излагает Хилгера, Васильевского по поводу нападения [пропуск] на [пропуск].

В этом обзоре подробно излагаются все аргументы К[пропуск], направленные против русской науки, против ее крупнейшего представителя Веселовского, и лишь в примечании говорится, что с этими выводами К[пропуск] нельзя было согласиться, что они были опровергнуты в докладе Е. Елеонской. Как это можно квалифицировать, как не прямое преклонение перед зарубежной историографией.

Я остановлюсь несколько на том, о чем уже говорила Н.А. Сидорова, на предисловии Б.Т. Горянова к книге Шарля Дилия «Основные проблемы византийской истории». Помимо того, что Борис Тимофеевич поднимает на щит Ш. Дилия, он утверждает, что Франция завоевала авторитет классической страны византиноведения, совершенно забывая о приоритете русской науки, о приоритете русского византиноведения. Он не дает, как уже отмечалось, никакой критики позитивистских концепций Ш. Дилия. Кроме того, он не отмечает никаких заслуг не только русской, но главное, что особенно важно, советской историографии. Он делает лишь отдельные маленькие замечания на книгу Дилия, причем пытается приукрасить Дилия, изобразить

его чуть ли не марксистом. Он говорит, что Диль в разрешении некоторых проблем близок к Марксу, в частности в разрешении проблемы устойчивости Византийской империи. В то же время сам он признает, что Диль не видит основного в проблеме, т.е. он не видит революции рабов и колонов. Как же он может говорить о близости Дилиа к марксизму?

Б.Т. Горянов говорит, что в оценке иконоборчества, которую дает Ш. Диль, он приближается к Марксу, и можно эту оценку принять марксистской науке.

Что же, собственно, говорит Диль об иконоборчестве? Диль восхваляет реформу иконоборцев-императоров и совершенно игнорирует плебейско-революционное крыло в иконоборчестве, т.е. движение народных масс. Как советские историки могут принять такое утверждение, которое предлагается Б.Т. Горяновым, когда Диль в своем обобщающем труде совершенно игнорирует это движение народных масс?

В конце своего предисловия автор говорит, что те проблемы, которые намечает буржуазный ученый Ш. Диль, могут служить до некоторой степени программой для наших научных работников и для учащейся студенческой молодежи. Это вызывает полнейшее недоумение, потому что проблемы, которые намечает Ш. Диль для изучения – это изучение религиозного вопроса, административного управления [пропуск]. А где проблемы классовой борьбы, аграрной истории, истории крестьянства, истории города, истории славянства, истории взаимоотношений России и Византии?

Конечно, подобное утверждение неприемлемо для советской науки.

Я хотела несколько слов сказать, но регламент меня очень ограничивает, о нашем отношении к буржуазному дореволюционному византиноведению. В этом вопросе у нас тоже, к сожалению, есть ряд крупных ошибок, в частности, в статьях в первом томе «Византийского Временника», а также в предисловии к третьему тому «Византийской империи» Успенского. Скажу лишь вкратце, что в этих статьях не дается классовых характеристик политических и методических взглядов крупных русских дореволюционных буржуазных историков, в частности Василевского²¹. Причем не дается связи с критической обстановкой, не показывается, что все-таки в нашем дореволюционном византиноведении были сильны идеи монархизма, идеи враждебности к классовой борьбе, идеи реформизма, идеи защиты мелкого крестьянского землевладения сверху, идеи православия, защиты православной церкви и т.д. и т.д.

Это, конечно, является крупнейшей задачей, стоящей перед советским византиноведением, – критический пересмотр того наслед-

ства, которое мы получили от дореволюционного буржуазного ви-
зантиноведения.

Теперь я еще хотела остановиться на одном вопросе. Нина Александровна говорила по поводу работ А.И. Неусыхина. В данном случае я присоединяюсь к тому, что она говорила, и хотела бы подчеркнуть еще один момент.

Я недавно познакомилась с спецкурсом Александра Иосифовича Неусыхина «Германия в XII–XIII веках», который читался в 1944–1945 учебном году, т.е. в разгар еще войны против фашистской Германии. Цель этого курса – показать особенности феодального развития Германии, истоки германского фашизма. Когда я знакомилась с этим курсом, мне бросилось в глаза, что в такой острый момент борьбы этот курс не носит острого характера борьбы против немецкой буржуазной историографии.

В то же самое время в книге «Сборник против фашистской фальсификации истории»²² он дал прекрасное разоблачение мифа о третьей империи. Почему же в курсе для студенчества он не дал развернутой критики ни порочных националистических фашистских теорий немецких авторов, которых он так прекрасно разоблачил в других работах. Это первое, что мне бросилось в глаза.

Во-вторых, что в этом курсе совершенно не отмечены заслуги русской и советской науки.

В-третьих, курс, который построен был в годы войны, не давал разоблачения немецкой политики «Дранг нах Остен», кроме некоторой идеализации отдельных политических деятелей германского империализма, как Фридриха Барбароссы, который выступает у него как дальновидный государь, Фридриха II и т.д. и т.д.

Недостаточно острая критика особенностей немецкой буржуазной историографии чувствуется и в статье Александра Иосифовича Неусыхина, помещенной в пятом номере «Вопросов истории» «[пропуск]»²³. Литература вопроса дается, две страницы этому посвящены, но взоры Александра Иосифовича обращены на Запад. Он перечисляет главным образом немецкую, отчасти английскую литературу, причем, даже не указывает, что это буржуазная литература, а просто называет ее специальной иностранной литературой. Он polemизирует с этими авторами по некоторым частным вопросам.

Однако развернутой критики их методологии, критики о том, что требуется от советского ученого, мы не имеем. Не упоминается о русской науке – о Петрушевском, о Виноградове, главное, о советской науке, о произведениях Грацианского, которые, кстати сказать, так полно освещены А.Д. Удальцовым, т.е. в том и в другом случае мы видим отсутствие острой критики зарубежной буржуазной историографии.

Слово предоставляется Б.Ф. Поршневу.

ПОРШНЕВ Б.Ф.: Я боюсь, что мы могли бы отклониться от поставленной задачи, если бы равномерно распределили свое внимание на все недостатки и ошибки в работе нашего сектора, нашей кафедры и всех медиевистов, не выделив, не сосредоточив в основном внимание на тех или иных действительно ярких фактах проявления космополитизма, носящих характер законченной нашими аспирантами и нашими учеными политической, общественной и научной работы. Я остановлюсь только на одном таком примере, а именно посвящу свое выступление характеристике буржуазного космополитизма в работах ленинградского профессора Вайнштейна.

Почему я считаю себя вправе и обязанным именно говорить на эту тему? Я был единственным рецензентом учебника «Историография средних веков». Рецензия моя была опубликована, затем началась война, и другие рецензии не появились. Я был также одним из двух рецензентов недавно вышедшей книги проф. Вайнштейна «Россия и Тридцатилетняя война». Мое внимание к работам этого историка уже давно привлечено, и я являюсь наступающей стороной, критикуя его работы уже давно. Последняя моя рецензия вызвала со стороны проф. Вайнштейна возражения, протесты, заявления в целый ряд инстанций, в том числе в министерство высшего образования, в редакции журналов. Были созданы специальные органы, которые проверяли объективность моей рецензии. Были привлечены лучшие специалисты в этой области, но рецензия, однако, была единодушно признана объективной.

Таким образом, повторяю, с одной стороны, я являюсь наступающей стороной и считаю себя вправе это подчеркнуть, с другой стороны, я считаю, что я очень плохо наступал на труды проф. Вайнштейна. В частности, моя первая рецензия меня совершенно не удовлетворяет. Я бы считал ее нужным написать совсем иначе сейчас в свете политического новейшего опыта. Никаких личных отношений с проф. Вайнштейном, кроме научной борьбы, у меня нет. Так вот мне хочется сказать несколько слов об этом медиевисте.

Напомню, что проф. Вайнштейн пришел в медиевистику после того, как он потерпел жестокое поражение в качестве историка нового времени и, попросту говоря, был изгнан из советских историков нового времени. Проф. Вайнштейн зарекомендовал себя в этой области в качестве своеобразного историка Парижской коммуны, где он выбрал своей главной задачей оспаривать учение Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина о том, что Парижская коммуна была диктатурой пролетариата. В своих трудах о Парижской коммуне он развернуто, широко черпал аргументацию из сочинений французских авторов, доказывая, что Парижская коммуна никогда не была дикта-

турой пролетариата, была лишь попыткой мелкобуржуазного демократического движения.

После того как профессор Вайнштейн был лишен слова в качестве историка нового времени, он нашел тихую пристань в истории средних веков. К нашему стыду следует сказать, что не так давно считалось, что уйти в средние века – это значило найти тихую заводь, куда можно скрыться от острых вопросов и пересидеть.

Здесь профессор Вайнштейн зарекомендовал себя в основном учебником историографии средних веков, ибо известно, что в качестве редактора учебника вузовского он поставил сам себя. Он не является редактором вузовского учебника средних веков. Он был редактором издательства и самовольно ввел себя.

Все это характеризует Вайнштейна как человека, который пришел к нам в медиевистику.

Теперь немножко о его работе.

Нина Александровна уже дала общую характеристику тех глав, которые посвящены истории русской медиевистики. Этот учебник является параллелью широко раскритикованного учебника Н.Л. Рубинштейна²⁴. Тут не только параллель, а и взаимодействие. Авторы, насколько мне известно, помогали друг другу писать эти два учебника. Но учебник Рубинштейна написан настоящим специалистом, который читал те книги, о которых пишет.

Глава, посвященная русским медиевистам в учебнике профессора Вайнштейна, начинается со слов: «Интересно, как западноевропейские...»²⁵ /Читает/ Эти тезисы раскрывают содержание всей главы. Русская медиевистика трактуется в этой главе исключительно как очень яркое отражение тех течений общественной мысли, которые наблюдались на Западе. Его русское византиноведение начинается в конце XVIII века.

Вот как об этом пишет профессор Веневич²⁶: «В конце XVIII века явились первые глашатаи в лице академиков немецкого происхождения – Бауэра, Кр... и др.». Далее рассказывается о том, как это немецкое учение развертывалось и подчеркивалась необходимость для русских ученых обратить внимание на историю Византии и вообще заняться средневековьем. Даже когда появляется фигура русского академика Веневича, как известно, одного из первых наших и крупных русских славяноведов, то оказывается, что Веневич только потому знал историю славянства, что он был ярко выраженным романтиком, пытавшимся, подобно немецким историкам-националистам того времени, приписать славянам особую историческую миссию и поднять их удельный вес в истории Европы раннего средневековья.

Здесь не совсем ясно, как это «подобно немецким историкам-националистам того времени» он пытался приписать славянам какую-

то особую миссию. Немецкие националисты никогда славянам не приписывали никакой миссии. Очевидно, подобно тому как немецкие шовинисты приписывали германцам особую миссию, так русские слависты решили заниматься историей славянства, чтобы приписывать и им особую миссию.

«На самом деле все это представляло переработку идей Шеллинга и особенно Гегеля». Ничего больше о возникновении русского славяноведения не мог сказать профессор Вайнштейн. Это уже настоящий приговор, каким является характеристика Грановского. Кроме того места, которое зачитала Нина Александровна, можно было привести много других, что Грановский был романтиком, поклонником Гегеля, что он был «воспитан школой немецкого романтизма Гизо, Шлессера и в очень небольшой степени Ранке...» /Читает/ Но ни звука о тех общественных условиях, общественных русских корнях, лежавших в жизни русского общества, которые выдвинули Грановского.

Встречаем фигуру Кудрявцева. О нем говорится, что он находится под влиянием итальянских романтиков... /Читает/ Приведем слова самого Кудрявцева о том, что он свой интерес к происхождению итальянской нации мотивировал необходимостью самостоятельного изучения главных событий истории Запада в нашем отечестве с целью обосновать независимость наших собственных суждений в деле всеобщей истории, а также приобретения материала для исторических сравнений.

Задача, конечно, непосильная для ученых того времени – задача обоснования собственного суждения, но задача поставлена, а проф. Вайнштейн утверждает, что никаких собственных суждений у Кудрявцева не было, он только взял то, что усвоил на Западе.

Точно в таком же духе характеризуется один из современных русских историков-медиевистов Виноградов. Разве можно забыть, что эта фигура, выросшая из русских общественных условий, произвела серьезную встряску во всей западноевропейской медиевистике. У проф. Вайнштейна получается наоборот. Он пишет: «Своей блестящей подготовкой Виноградов обязан Моммзену», затем был последователем того-то, того-то. Что это был человек, вышедший из условий русской общественной жизни, догадаться по этому никак нельзя.

Иногда проф. Вайнштейн бросается в противоположную крайность и вдруг хочет кого-то из буржуазных ученых поднять на щит. И получается крайне неловко. Получается вроде тезиса о том, что Лучицкий проявляет себя, как наиболее приближающийся к марксистскому пониманию истории. Для того чтобы нам оценить исторические заслуги Лучицкого, нам не надо иметь таких статей. Тут и восторг по адресу Веселовского.

Возмущение вызывает и следующая глава, посвященная характеристике марксистско-ленинских работ в области истории средних веков, где речь идет о чем угодно, но только не об основных вопросах марксистской медиевистики.

В этой главе, посвященной марксистско-ленинским работам, на первом месте фигурируют труды самого проф. Вайнштейна, которые перечислены с необычайной подробностью, все, что только можно, – перечислено.

Я хочу кончить тем, чтобы охарактеризовать в двух словах другую книгу проф. Вайнштейна – «Тридцатилетняя война». К сожалению, отсутствие времени не дает возможности повторить даже вкратце основные положения своей рецензии, поэтому я сформулирую их в двух словах.

В характеристике самой Тридцатилетней войны проф. Вайнштейн не пошел дальше того, что пишут о ней немецкие историки. Ни одной своей мысли о Тридцатилетней войне, о роли России в Тридцатилетней войне нет. Он высказал целый ряд положений, которые являются неверными. Все внимание проф. Вайнштейна сосредоточено на том, чтобы показать влияние на русскую внешнюю политику иностранных держав. Он констатирует это с необычайной тщательностью, упорно, постоянно и доходит до того, что даже там, где источник абсолютно не позволяет утверждать это, все-таки искусственным и совершенно не научным образом натягивает доказательства того, что все планы внешней русской политики были подсказаны Швецией.

Все это непонимание роли России в событиях истории XVII века проистекает из того, что проф. Вайнштейн не считал нужным изучать русские источники. Он пишет о внешней политике России преимущественно на основании иностранных источников. Он не заглядывал в архив и не изучал как следует опубликованные источники русского происхождения. Результатом являются совершенно голословные выводы о том, что правильной политика России в XVII веке была тогда, когда Россия решительно отстранялась от какого бы то ни было участия в западноевропейских делах. В этом случае была правильная, принципиальная, твердая политика. Когда Россия вмешивалась в иностранные дела, то политика России была отражением иностранных держав. Словом, Россия здесь представлена в высшей степени в косном, неприглядном виде. Патриотически звучащий тезис показать роль России в истории Европы на самом деле порочивает на пасквиль...

Наконец, Вайнштейн не одинок. Он окружен кафедрой средних веков и, к сожалению, этот законченный космополит оказывает тлетворное влияние на своих сотрудников. Известно, что на этой кафедре укоренился дух самовосхваления, противопоставление ленинград-

ской науки московской и всем остальным учреждениям советской науки. Я не могу не связать это с тем, что происходило недавно и среди некоторых политических ленинградских деятелей, которые шли по пути противопоставления Ленинграда, ленинградской организации как политического центра Москве. Как в капле воды, в этом нездоровом духе ленинградских медиевистов, конечно, отразилось и это политическое заболевание более крупного масштаба.

Непомерное восхваление учителей, в том числе и реакционных, таких как Гревс [пропуск], является характерным стилем работы ленинградских медиевистов. Все это объясняется в значительной степени вредной деятельностью профессора Вайнштейна.

СТОКЛИЦКАЯ В.В.: Все те лица, о которых здесь давали критические отзывы, присутствуют здесь, так что они могут защитить себя и ответить. Почему организаторы заседания не приняли мер к тому, чтобы вызвать Вайнштейна. Я это говорю не потому, что я являюсь сторонником и защитником учебника, – я нахожу в этом учебнике очень большие недостатки, но нужно его вызвать.

КОСМИНСКИЙ Е.А.: А его отсутствие лишает возможности говорить о нем? У нас заседание соединенное – кафедры и сектора, но не с кафедрой ленинградского университета. Вайнштейн принимал очень деятельное участие в редактировании учебника, на пользу или нет – это другое дело, но, во всяком случае, активное участие он принимал.

СТОКЛИЦКАЯ В.В.: Это очень важный вопрос, в каком смысле он принимал участие.

КОСМИНСКИЙ Е.А.: Непосредственное. Он был и редактором издательства, в то же время он в непосредственной работе редакции принимал участие.

МОСИНА З.В.: Когда мы говорим о тех важных задачах, как задачи борьбы против космополитизма, когда мы говорим о тех ошибках, о тех недостатках, которые имеются в области медиевистики, когда мы говорим об основных извращениях у наших историков-медиевистов, то естественно, что мы должны, и это уже имело место на сегодняшнем заседании, обратить свои взоры на тот журнал, который является органом Института Академии наук и в котором, так или иначе, отражены или должны быть отражены и задачи, стоящие перед историками, и, к сожалению, в очень значительной степени отражены и те ошибки и те недостатки, которые мы сегодня здесь во многих случаях констатировали. Я говорю о журнале «Вопросы истории».

Этот журнал непосредственно связан с нашим историческим фронтом, и мы могли, конечно, говорить в очень широком плане, где должен был помогать журнал и помогал, и где он не помогал исто-

рикам. Но это не входит в мои задачи. Я ограничу свой обзор только тем участником журнала, который непосредственным образом связан с медиевистикой. Я хочу ответить на вопрос – журнал «Вопросы истории», в какой степени ставил перед нашим медиевистским фронтом серьезнейшие задачи о необходимости борьбы против буржуазной идеологии, о необходимости борьбы против космополитизма, против целого ряда буржуазных теорий. Ставил ли журнал «Вопросы истории» задачу о борьбе против пережитков, против рецидивов той буржуазной идеологии, которая сохранилась во многих случаях от старых времен, в особенности у нас, старшего поколения, а иногда воспроизводится, и очень ярко воспроизводится, их учениками.

Я хочу также поставить вопрос, в какой степени наш журнал нацеливал медиевистов идти в наступление, чтобы представлять из себя фронт, сомкнуть ряды и сомкнуть этот фронт на поле боя против нашего идеологического противника.

Товарищи, на все эти вопросы надо будет с полной откровенностью и с полной искренностью дать такой ответ, что все эти задачи наш журнал «Вопросы истории» выполнил очень плохо.

Я об этом говорю не как критик. Я не стою в стороне от жизни. Многим известно, что я много лет работаю в журнале и являюсь ответственным работником журнала, так что мое выступление прошу принять как самокритику.

Товарищам всем известно, что в самом начале 1947 года в журнале был дан сигнал о необходимости усилить идейную борьбу против буржуазной идеологии и, прежде всего, о размежевании с той буржуазной школой медиевистов, от которой мы получили богатое наследство, но которая и мешала нам в оформлении советской медиевистики как наиболее смелой, революционной советской марксистско-ленинской медиевистики. Под этим сигналом я имею в виду рецензию на сборник «Средние века», посвященный памяти Петрушевского. Мы этот сборник критиковали. Но это было совершенно недостаточно, надо было идти дальше, надо было критическую работу развернуть шире и глубже и показать ошибки в трактовке не только одного Петрушевского, но показать и то замазывание различий между буржуазной школой Виноградова, Савина, того же Петрушевского и советской медиевистикой, надо было дальше создавать и дать разработку этого наследства. Не только дать критику, в которой с методологических позиций показать, что те медиевисты были другого лагеря, другого класса, что они представляли буржуазную науку, но вместе с тем надо было и позитивно доработать вопрос о том, каково было значение в исторической науке именно русской школы медиевистов. Мы начали это делать, делали непоследовательно, сделали очень мало.

Насколько непоследовательно мы выступали, приведу только один пример. Вот в номере первом, английском, за 1947 г. была рецензия на сборник «Средние века», в № 4 за тот же 1947 г. помещена рецензия профессора Звавича на книгу Мориса Добба «О развитии капитализма в Англии», и в этой рецензии Звавича черным по белому сказано, что профессор Морис Добб очень много внимания уделяет советской медиевистике. Он цитирует Косминского, Архангельского, Лавровского, но, к сожалению, он гораздо меньше знаком с трудами Савина.

Таким образом, в глазах профессора Звавича школа советских медиевистов не ограничивается Косминским, Лавровским, Архангельским, но он причисляет к этой школе также и Савина, чего, конечно, ни в коем случае нельзя было делать, и эту рецензию мы поместили, я должна об этом здесь сказать.

Не дали мы статей ни о Виноградове, ни о Савине, ни о Грушевском, по-настоящему, нужных им характеристик мы не дали на страницах журнала. Мы, таким образом, не ориентировали нашего читателя на правильное понимание того наследства, которое мы получили от этой буржуазной школы.

Товарищи, должна вам сказать, что попытка дать такую общую характеристику русской буржуазной школе медиевистов была сделана в другом органе, в журнале «Средние века». Там такую статью написал С.Д. Сказкин. Но должна сказать также, что на заседании редколлегии, когда уже мы имели верстку журнала, С.Д. Сказкин сам снял эту статью, считая ее неправильной, методологически невыдержанной. Таким образом, эта задача до сих пор остается нерешенной.

Другой вопрос, – я теперь буду очень кратка, – это именно о том, чтобы перейти в наступление, разоблачать всевозможные фальсификации, разоблачать тех фальсификаторов, которые стараются идеализировать, в идеализированном виде представить средневековую Англию, Францию и т.д. Что мы сделали в этой области, чтобы раскрыть этих фальсификаторов, чтобы в истинном свете представить фальшивую роль этой теперешней буржуазной империалистской исторической науки на Западе?

Кое-какие попытки мы делали, но это очень недостаточно. И в самом деле, мы не добрались до твердыни современных фальсификаторов, именно до американской науки, до той академии средних веков, которая создана в США и которая выпускает свой журнал «Speculum». Мы до сих пор не дали обзора этого журнала.

Я остановлюсь на тех совершенно неправильных статьях, которые были в журнале. Я считаю большим пробелом в работе нашего журнала то, что мы не раскритиковали как нужно работы академи-

ка Виппера, потому что работы чужды нам по идеологии, это доподлинное смыкание с космополитизмом, это не марксистские труды, и они у нас по-настоящему не были раскритикованы. Большая работа, которую мы опубликовали в журнале «История средних веков», была последней работой Виппера и не по вине автора, а по вине редакции оказалась беззубой²⁷. Там есть целый ряд методологических совершенно не марксистских положений Виппера, а, между тем, она рекомендуется как полезная для студенчества. Это уж никуда не годится, это политическая ошибка журнала.

Я считаю большой ошибкой то, что мы поместили статью Коган-Бернштейн «Трактат Ла Боэси». Совершенно правильно Нина Александровна характеризовала эту статью, в которой имеются идеалистические вывихи. И что самое интересное, что и в журнале «Средние века» на эту же тему была другая статья «[пропуск]» Радцига²⁸. В своей рецензии на сборник «Средние века» я присоединюсь к мнению Радцига. Я разделяю его точку зрения, и все-таки, несмотря на то, что я разделяю эту точку зрения проф. Радцига, все-таки эта статья идеалистическая, имеющая порочные методологические положения, статья Коган-Бернштейн была опубликована в журнале «Вопросы истории».

Очень большой ошибкой также я считаю помещение в нашем журнале статьи Люблинской «Ришелье в исторической литературе XIX–XX вв.»²⁹. Эта статья, безусловно, того же самого космополитического характера, какой имеют многие работы ленинградских медиевистов. Эта статья, прежде всего, обнаруживает необычайное преклонение самого автора, т.е. Люблинской, перед фамилией Ришелье. Я не знаю, все ли французские националистически настроенные буржуазные историки так преклоняются перед Ришелье, как перед ним преклоняется наш советский историк Люблинская. И в этой статье это выражено очень ярко. Кроме того, Люблинская в этой статье не намерена отойти от французской буржуазной историографии, посмотреть на нее глазами советского историка. Она смотрит на эту историографию не извне, а изнутри. Она очень хорошо изучила весь ход развития и накопления материалов, источников, но она не сумела дать всей этой историографии марксистскую оценку.

Наконец, самое возмутительное – это структурная часть этой статьи, в которой Люблинская буквально в одном абзаце касается вопроса советской историографии, причем это настолько уничижительно звучит, что лучше было бы ей не касаться этого вопроса. Опять-таки повторяю, что все эти примеры не исчерпывают наших ошибок. Я обо всем этом говорила не в порядке критики, а в порядке самокритики.

СМИРИН М.М.: Нина Александровна назвала здесь традиционализм как разновидность буржуазного космополитизма в исторической науке и указала на то, что подход к историческим проблемам с точки зрения традиционализма есть забвение основных задач и советской историографии, и советской исторической науки, что такой грех был среди советских медиевистов. Я в связи с этим хочу привести выдержку из статьи Г[пропуск], где давалось обоснование пятилетнего плана Института истории. Что касается темы медиевистики, там было сказано так, что, “продолжая традиции русской исторической науки, которая имеет достижения, план намечал исследования по истории Византии, а затем и по истории средневековой Англии и Германии» – там перечисляются лица, которые занимаются, и все, что дается в обоснование этой тематики.

Я хочу прежде всего сказать, что, конечно, нельзя отрицать – и это надо всячески подчеркнуть, и об этом говорила Нина Александровна в своем докладе, – выдающиеся достижения дореволюционной русской историографии в области византиноведения и медиевистики вообще, но обосновывать этим тематику наших работ, наших исследований ни в коем случае, конечно, нельзя, нельзя сказать, что мы занимаемся потому, что мы продолжаем эту традицию. Я хочу сказать два слова потому еще, что очевидно, в рубрике, где говорится “осуществляющий эту тему Е.А. Косминский и другие”, здесь говорится, очевидно, в категории “и другие” относительно вашего покорного слуги.

Я хочу сказать, что когда мы занимаемся вопросами средневековой Германии, то мы исходим из задач советской исторической науки, и, мало того, мы считаем, что задачи советской исторической науки в области истории Германии связаны с политикой советского государства, и мы видим в наших томах, которые мы разрабатываем, патристическую задачу советских историков, потому что наше государство, которое идет сейчас во главе народов в борьбе за мир и демократию, наше государство только может построить сейчас единую Германию на демократической основе, которая требуется и не только историей Германии. И поэтому задачи, которые связаны с революционной историей немецкого народа, и задачи, которые связаны с политической историей Германии, эти задачи может поставить и разрешить только наша советская историография.

Я уже не говорю о том, что только наша советская историография может вывести на чистую воду немецкую историографию, желание немецких историографов поднять на щит самую средневековую немецкую государственность и показать, что она имела место в школе Кнаппа и особенно у Вайса.

Я уже не говорю о том, что только мы можем показать извращение немецкой историографии и в области [пропуск], которая ставит вопрос о развитии, различных путях аграрного развития Европы, ставит в противопоставлении Востоку так, что крепостничества вообще не знала западная Германия, что это вообще дело Востока.

Если мы занимаемся средневековой историей Германии, то мы исходим исключительно из задач советской исторической науки и рассматриваем свою задачу как задачу патристическую, как помощь, как задачу, связанную с политикой советского правительства, самой передовой политикой мира. Конечно, и те наши товарищи, которые работают в области истории Англии, то же самое, исходят при этом из того, что наше государство сейчас ведет борьбу с англо-саксонским империализмом. И отсюда вытекает целый ряд задач по разоблачению фальшивой американской демократии англо-саксонского империализма и показать настоящую историю Англии. Вот какие задачи мы себе ставим.

Если мы будем исходить из этих задач, ясно, что нельзя ограничиться историей Англии и Америки, а здесь перед нами встанет целый ряд новых проблем. И тут нам нужно ставить вопрос и о планировании, и о задачах, которые имеет советская медиевистика, ведь нельзя же мотивировать только продолжением традиций дореволюционной русской медиевистики.

Наконец, я хочу остановиться еще на одном вопросе. У нас в секторе, правда, не со стороны членов нашего сектора, под космополитизмом понимается, как это видно и из всей нашей прессы, такое голое охаивание работ советских ученых, советских драматургов, советских литераторов, подход, который не интересуется совершенно целями и задачами советской науки, а только занимается советской наукой с позиций охаивания.

Я имею в виду выступление Люблинской А.Д., о которой здесь говорила З.В. Мосина. Я сейчас не хочу касаться ни этой работы, ни той книги Б.Ф. Поршнева, по поводу которой она выступала. В книге, как и во многих хороших монографиях, есть места, по которым спорить надо и по которым спорить можно, и будем спорить, но одно несомненно, что книга советского историка, который поставил совершенно поновому вопросу о подходе к проблеме буржуазной революции, который показал, что к этой проблеме надо подойти путем разработки вопросов народного движения. Если подойти к этим проблемам, игнорируя задачи историографии, совершенно игнорируя концепции, которые здесь ставились, подойти только с таким голым охаиванием, голым отрицанием, не высказывая своего мнения даже по проблеме, которая стоит, это будет буржуазный подход, буржуазный космополитизм, т.е. равнодушие к задачам, которые стоят перед советской наукой.

Сектор дал отпор ее такому выступлению. Мне кажется, что в связи с тем, что мы обсуждаем вопрос о буржуазном космополитизме, надо дать квалификацию этому выступлению. Я говорю о форме выступления.

АЛПАТОВ М.А.: Не подлежит сомнению, что проявление буржуазных традиций буржуазной историографии является оборотной стороной космополитизма, и вот из этой темы я хочу взять один вопрос. Речь идет о том, о чем мы очень часто говорим. Мы часто говорим о традиционализме, о преклонении перед русской буржуазной историографией. Но мне кажется, что в этом вопросе у нас нет ясности. Ведь можно ли сказать с уверенностью, что мы отчетливо представляем себе, что такое русская буржуазная наука, является ли она чем-то односторонним вообще? Все это мы берем за одни скобки. И вот, мне кажется, нужно внести довольно большую ясность, иначе это положение будет оставаться и дальше.

Мне кажется, что в истории русской исторической науки нужно будет различать разные этапы, и к разным этапам мы должны относиться по-разному. Одно дело русская историческая буржуазная наука 70–80-х годов и другое дело русская буржуазная наука после 90-х годов.

Что можно сказать о русской науке 70–80-х годов? Это было пореформенное время, когда над русской либеральной буржуазией еще не стояла непосредственная угроза революции, буржуазия только вступала на историческую сцену. Тогда русская либеральная буржуазия играла довольно прогрессивную роль. Тогда русская историческая мысль была способна давать прогрессивные концепции.

Основным вопросом, который привлекал внимание русских буржуазных историков, был аграрный вопрос, а главным образом – проблема крестьянской общины в средние века. На этой проблеме хотели показать, что власти крепостников-помещиков предшествовала свобода, что помещичьей собственности предшествовала крестьянская свободная собственность, и это являлось историческим аргументом против власти помещиков в пореформенной России – учесть завоевания крестьянских свобод от помещиков в виде пережитков крепостнического прошлого буржуазного развития.

Вот эти традиции русская буржуазная наука внесла и в изучение западной истории. Именно русской науке западноевропейская историография обязана изучением крестьянского вопроса и аграрной истории и во Франции, и в Англии.

Вспомним русскую историческую школу. Ведь сами французы были вынуждены не раз признавать, что многим они обязаны работам русских историков. Возьмите статью в Научно-историческом журнале Анри Сэ³⁰, которая была озаглавлена: “Чем французская

наука обязана работам Лучицкого». Школа Виноградова оказала влияние на историографию Англии.

Это одна русская наука, я бы сказал. Причем эта наука, она имела даже приоритет перед буржуазной наукой любых западных стран. Ведь нужно вспомнить, что после Парижской коммуны в (18)70–80-х гг. в западноевропейской науке побеждали реакционные течения, а русская буржуазная либеральная наука в это время переживала свою лучшую пору. Поэтому, естественно, она была и передовой наукой и оказывала огромное влияние на западноевропейскую науку. Но другое дело промышленность с 90-х годов, эпохи империализма, когда развитие русской исторической науки уже было связано с именами Ленина и Сталина. Русская либеральная буржуазная наука затем вступает в полосу упадка, когда буржуазные историки не способны были давать ценные исследования по конкретным вопросам. Такие исследования были, возьмите «Восстание Уотта Тайлера» Петрушевского, но в целом буржуазная историческая мысль не была способна давать прогрессивных концепций, которые могли бы быть поставлены не только в один ряд, но хотя бы приближались к марксистской исторической теории. Поэтому, естественно, положение русской буржуазной науки теперь значительно меняется, причем, что интересно? С тех пор, несомненно, русская буржуазная наука теряет свой приоритет в западной науке и усваивает больше тон подобию по отношению к западной науке. Я с этим встретился, работая по Фюстель де Куланжу. Я хочу привести высказывание Гревса – одно от 1886 года и другое от 1901 года. Вот что писал в 1886 году Гревс. Он, во-первых, подчеркивает, что русская историческая наука не может безучастно относиться к тому, что происходит в науке зарубежной, что задача русской науки подвергать критике реакционные теории на Западе. И дальше, говоря о работах Фюстель де Куланжа, он пишет, что его идея романизма – идея совершенно ложная. Касаясь его обычных приемов, он пишет, что «тут уже не ошибка, тут уже виден недостаток добросовестности, который у ученого особенно неуместен...»

/Читает/

Дальше его высказывания в 1901 г. В предисловии к русскому переводу главного труда Фюстель де Куланжа, он пишет: «Само положение...»

/Читает/

Тут уже тон преклонения перед западной наукой. Это уже другой тон и другое значение русской буржуазной науки.

После 1905 года русская либеральная историография делает еще один шаг вправо. И примером этому может служить статья Виноградова «Политические письма», опубликованная в «Русских ведомо-

стях» в августе 1905 года. Вспомните статью Ленина, написанную по поводу этих «(пропуск) писем». Об этой статье есть указания товарища Сталина, недавно опубликованные.

Что характерно для этой статьи?

Во-первых, статья является изложением политической реакционной программы русского либерализма. Он там отстаивает (пропуск) монархию и ратует за немецкий путь развития России. Он старается показать, что Европа для России является образцом, но образцом недостижимым. Он прямо пишет по адресу тех, кто собирается обогнать Европу: «Откуда такая гордыня, не мешало бы поучиться ходить, прежде чем собираться обгонять зап. буржуазию, которая немало сделала для европейской цивилизации».

Кстати говоря, Ленин, оценивая позиции Виноградова теперь, прямо называет его мужем алтынной науки, и дальше Ленин подчеркивает еще одну сторону в статье Виноградова – это преклонение перед Западом. Он говорит, что Виноградов слово буржуазия берет в кавычки, дескать, нашел термин для обозначения европейской цивилизации.

Это нашло отражение и в русской исторической науке, и примером нам является Петрушевский после 1905 года. Как вы знаете, он прошел весьма последовательный путь. В 90-х годах это был передовой буржуазный ученый, который заинтересовался историей народного движения, который относился довольно отрицательно к Виноградову с его юридическим подходом, к его увлечению строем и т.д., он не раз называл Виноградова «сэр Поль Виноградов», а потом мы имеем как будто бы совершенно переродившегося человека. Виноградов после 1905 г. будто бы не тот историк.

Возьмите вы его теоретическое введение в книге «Очерки из истории средневекового общества и государства». Если в 70–80-х годах русская наука оказывала влияние на западную науку, то теперь Петрушевский собирает чуждые теории на Западе и из них складывает свою теорию. Тут и Вебер, и Эдуард Майер, и Допш. Естественно, что это уже была реакционная теория.

В самом деле, какова была задача Допша – доказать отсутствие революции при переходе от древнего мира к средневековью. А что доказывает Петрушевский? Что не перерыв, не скачок, а именно медленная эволюция.

Таков Петрушевский в 1917 г. В советское время он отказался от своих взглядов? Мы знаем обратное.

Я хочу сказать, что мы, и особенно старшее поколение, совершили ошибку, беря за одну скобку всю русскую историческую буржуазную науку. Мы готовы поднять в одинаковой мере на щит и буржуазный этап русской науки, и ее степень воздействия.

В этой связи я хочу сказать о нашем отношении к Петрушевско-му и в этой связи хочу упомянуть А.И. Неусыхина. Нина Александровна вспомнила его «Древних германцев».

Действительно, прошло 20 лет, человек отмалчивается. Может быть, он отошел от этих позиций? Но его статья в сборнике II тома говорит обратное, что эти взгляды до сих пор он исповедует. Причем я в этой статье хочу обратить ваше внимание на одну деталь. Александр Иосифович утверждает, что Петрушевский – учитель человечества. Как это можно назвать, как ни откровенным космополитизмом. И нужно будет сказать, что с этой позицией Александр Иосифович должен будет покончить, потому что его позиция приобретает глубоко политический характер, она свидетельствует о том, что он от этих взглядов не отказался, и эта позиция имеет большой резонанс. Эта точка зрения проповедуется нашей молодежью.

Александр Иосифович очень заботливый педагог, имеет массу учеников. Когда кто-либо начинает указывать ошибки Александра Иосифовича, то довольно большая группа молодежи доходит до утверждения – знаете ли, Александр Иосифович чуть ли не мученик за науку... /Голос: «Правильно»/ Если так будет продолжаться, то к чему мы можем придти? Так продолжаться без конца не может. Я как раз заявления Александра Иосифовича об отказе от такой позиции не слышал, а слышал другое: «Представьте себе, 20 лет не признает своих ошибок! Вот это ученый!»

Я должен сказать, что пора понять и Александру Иосифовичу прежде всего, что так без конца продолжаться не может, что это дело политическое и в конце концов оно нетерпимо.

БЕЛКИН И.Д.: Нина Александровна сделала большой, серьезный, всеохватывающий доклад. Только в одном отношении меня этот доклад не удовлетворил. В докладе было все уравнено, все было подстрижено под одну гребенку: и те, кто двадцать лет проводил определенную концепцию, и те, кто имеет случайные ошибки, – обо всех одним тоном говорится. Я считаю это неправильным. Здесь вопрос идет не относительно разбора научного той или другой концепции, а относительно борьбы против пропаганды англо-американских идей. Тов. Косминский говорит, что вот Нина Александровна не углубила характеристики. А я скажу другое: почему вы не дали квалификации деятельности определенных лиц, надо было ясно и четко сказать. Дело не в том, что вы неправильно процитировали ту или другую статью. Дело не в том, что то или другое выступление того или другого товарища было неудачно. Мне только что здесь говорили о неудачном выступлении тов. Смирин, который заявил, что выступление такой-то по существу я не хочу разбирать, а по форме было космополитическое. Значит, не существо было кос-

мополитическим, а была какая-то особая форма. Я ему указывал, что он неправильно выразил свою мысль, но мы поняли, что вы хотели сказать. Но дело не в том, чтобы придирааться к тому или другому слову. Дело в том, чтобы охарактеризовать деятельность того или другого историка.

Мы знаем, что идет подготовка войны, но подготовка войны идет не только тем, что готовится оружие, а, как перед каждой войной, идет лихорадочная идеологическая подготовка войны, идет по всему фронту и за границей и у нас. И в этой идеологической подготовке, безусловно, англо-американский империализм засылает своих идеологов к нам, пытаются создать этих идеологов у нас. Есть такие товарищи, которые, может быть, сами того не желая, попадают под влияние того колоссальнейшего материала, с которым мы, историки всеобщей истории, имеем дело, потому что мы не можем без них работать. И что получается? Получается, что мы попадаем под влияние, мы выступаем трубадурами англо-американского империализма. Англо-американским империализмом используются ошибки, которые сделали некоторые товарищи. Возьмите письмо Варги в «Правде», в котором он пишет, что его именем спекулируют повсюду, что те ошибки, которые он сделал, они используют. Для чего? Для того, чтобы доказать западноевропейскому пролетариату, трудящимся, что у нас дескать тоже так думают, как они думают. О чем думают? О том, что англо-американский империализм не хочет войны, что Россия – это страна, которая сейчас чего-то заговорила относительно национальности, относительно самобытности, относительно суверенитета. Если взять историю России, что получается? Россия была азиатской страной, и стояла она на равной ноге со всеми остальными тогда, когда она получала западноевропейскую культуру.

Что она сейчас хочет? Она должна идти вслед за Западом. Эти идеи проводятся, концепции у нас имеются, и когда здесь Нина Александровна говорит, например, относительно Неусыхина, Лавровского, Вайнштейна, она говорит об определенной концепции.

Последний товарищ, который выступил, говорит: хватит вам двадцать лет говорить относительно одного и того же, что немецкая юридическая школа является наиболее подходящей для нашей медиэвистики. А марксистская школа у нас имеет право гражданства или нет? Тогда ставится вопрос, следовательно, относительно марксистской школы мы должны поговорить, а отсюда мысль относительно единства мировой науки, относительно того, что всемирно-исторический метод и т.д., т.е. проповедуется то, что проповедует англо-американский империализм, и нам нужно прямо сказать, что профессор Неусыхин выступает как космополит. А он является ученым истори-

ком нашей советской страны, он должен разоружиться. Дело в том, чтобы он раскритиковал все свои двадцать лет, чтобы он сказал: я буду работать по-новому. Иначе профессор Неусыхин выступает как космополит. Иначе профессор Неусыхин не может воспитывать наше юношество, иначе он не может быть советским историком.

То же самое мы должны сказать о профессоре Лавровском. Здесь ставится вопрос, можем ли мы говорить относительно Вайнштейна. Дело не в личностях, я его никогда не знал, но он проводит определенную концепцию, которую мы должны квалифицировать. Завтра студент спросит: как я должен подходить? Здесь Борис Федорович достаточно говорил. Нужно взять маленький факт, где он говорит, что в основе идеологии Грановского лежит Шеллинг и Кун. Нужно дать определенную квалификацию законченного 100% космополита.

Когда мы говорим относительно Рубинштейна, говорим, что он законченный космополит, почему же, когда мы говорим, что он брат Рубинштейна, не сказать, что он космополит, враг. Благодаря тому, что мы дали неправильный тон, и прения были какими-то благодущными, вспоминали о какой-то теории. Если это вредная теория, нужно ее выкорчевать.

Я считаю правильным выступление академика Косминского, который конкретно сказал, какие ошибки, он считает, были сделаны, и сказал, как он считает нужным их исправить, сказал, что я написал учебник, где такие-то моменты неправильны, и как мы будем бороться, извлекать те или другие ошибки, но не просто махать кулаками и кричать, что мы боремся.

В докладе нужно было отметить не только все шесть-семь моментов, – это совершенно правильно, – но нужно было выпятить эти два момента.

Это вопрос относительно того, что из себя представляют англосаксонские страны, это вопрос об их мировоззрении, об их значении в развитии исторического процесса.

Дело ведь в чем? В истории средних веков приходится говорить об англо-саксонской расе, о ее традициях, о том, как она развивалась. Говоря о далеком прошлом, можно подводить те или другие политические теории. Американцы о том и кричат, что мы, говорят, по своей натуре никогда не были воинственным народом, мы сидим на острове, на нас нападали, а вы считаете, что мы готовим войну, называете нас поджигателями войны. Вот об этом надо говорить. Я не знаю соответствующих примеров из истории средних веков. Я сам новый историк. Я не знаю примеров извращения. Вайнштейна «Столетняя война»... /Смех; голос с места: «Тридцатилетняя война»/ ...я не читал.

Возьмем книгу проф. Зубока. Проф. Зубок в своей книжке, которая недавно вышла, говорит о том, что американский империализм, начиная с 30-х годов, перевооружился, преобразовался, стал мирным империализмом, что он выступает против интервенции, за помощь другим народам.

Спрашивается, о чем говорят сейчас все американские империалисты? Хочет или не хочет, сознательно или несознательно это делает Зубок, все-таки мы не можем квалифицировать его иначе, если примем во внимание все его статьи и всю его деятельность, как определенного космополита.

Есть работы, которые принижают нашу историю. Имеются ошибки и в этом направлении, в частности, имеются ошибки в этом направлении в одной из работ, которая касается и средних веков, и нового времени.

Я считаю, что тов. Поршневу неправильно выступал. Нина Александровна поставила этот вопрос, но не заострила. Больше всего нужно сказать о своих ошибках, не скрывать свои ошибки... /Голос: «Никаких ошибок нет»/ О каких ошибках идет речь? Работа носит название «Вопрос о месте России в системе европейских государств в XV и XVII вв.»³¹. Как видите, чрезвычайно интересное название, но здесь надо отметить непростительные ошибки, которые могут быть использованы. Я считаю, что надо было об этих ошибках сказать. Эта статья напечатана в Ученых записках Академии общественных наук. В ней говорится, что, начиная с XIX века, существовала система восточного барьера, т.е. был барьер, который существовал между Россией и Западной Европой. Автор пишет: «Но тот факт, что барьер особенно усилился тогда, когда Московское государство достигло независимости, говорит о совсем иных методах...»

/Читает/

Что же получается? Получается, что благодаря этому восточному валу, который, судя по тому, как пишет проф. Поршневу, существовал до XVIII в., ни оружие, ничего не могло проникнуть в Москву. Армия русская была слабая. Внешняя политика тоже была азиатская, приспособленная к азиатским условиям.

Это неправильное положение, и об этом надо было сказать. Критика – это очень хорошая вещь, но нужно, я считаю, и говорить о своих ошибках для того, чтобы мы действительно знали лицо каждого товарища и чтобы мы знали, что этот товарищ стремится действительно выкорчевать всякую возможность проникновения – даже если он это отчасти сделал, – проникновения космополитизма в нашу науку и тем самым бороться против англо-американского империализма. Надо было строго разграничить, кто является космополитом.

ДОРОШЕНКО В.В.: Я должен первым долгом приветствовать боевой и наступательный дух профессора Белкина. Сегодня речь идет не об обычном теоретическом заседании, где можно трактовать всяческие вопросы, которые мы обычно на дискуссии обсуждаем, а речь идет о том, чтобы подвести красную черту под рядом тех позорных провалов, происхождение которых сводится к группе ведущих профессоров кафедры Московского государственного университета.

Но я с профессором Белкиным не согласен в двух пунктах. Я не согласен с тем, что те характеристики, которые дала Нина Александровна, те определения, те целевые установки, которые она дала на сегодняшнем совещании, чем-то грешили и даже были неправильны, что выступление академика Косминского было абсолютно правильным. Я думаю, наоборот. Нина Александровна, я думаю, правильно задала тон на совещании и правильно поставила вопрос.

Если бы профессор Белкин передо мною не выступил, я бы просто упрекнул академика Косминского, что он так холодно говорил, собственно, не о том, о чем нужно говорить.

Евгений Алексеевич, те вопросы, которые сейчас обсуждаются, и те вопросы, которые связаны с международной обстановкой и т.д., волнуют нас гораздо больше, чем, может быть, вы предполагаете, во всяком случае, больше волнуют, чем вы могли отделаться таким выступлением.

Я думаю, что сегодня нужно говорить не о каких-то проявлениях космополитизма, о какой-то опасности, которая издала надвигается, а надо говорить о лицах, надо говорить о космополитах в нашей среде, о самых космополитических и буржуазно-объективистских ошибках, надо о людях говорить.

Думаю, что открытое проявление космополитических, буржуазно-объективистских тенденций можно найти, если иметь в виду нашу кафедру, кафедру Университета, – в трудах и академика Косминского, и профессора Лавровского, и профессора Неусыхина, и в работах Коган-Бернштейн.

Разрешите мне преимущественно остановиться на работах двух наших старших товарищей – Евгения Алексеевича и Александра Иосифовича.

Евгений Алексеевич, я начну с упрека вам. Мне лично нелегко сейчас говорить об этом, ведь вы наши учителя, вас народ поставил для того, чтобы вы нас учили. Мы хотим вам верить. Это относится не только персонально к вам, Евгений Алексеевич, а ко всем нашим старшим профессорам. Я думаю, что вы не цените то доверие, которое в эти годы оказывала вам молодежь.

Я не согласен с проф. Белкиным, который говорил по адресу Б.Ф. Поршнева, – это вы блоху убили. Я думаю, что сегодня во всей

остроте должна быть дана характеристика нашего первого стопроцентного космополита Вайнштейна...

/В.В. Стоклицкая-Терешкович: «Это личный выпад. Я не люблю, когда увлекаются личными выпадами»/

ДОРОШЕНКО В.В.: Я отлично понимаю Веру Вениаминовну. Вы уверены, что тут личный выпад? Тогда спросите, кто из окружающей публики будет защищать проф. Вайнштейна? Я познакомился с его книгой и всецело присоединяюсь к заявлению Б.Ф. Поршнева, что это стопроцентный космополит.

КОСМИНСКИЙ Е.А.: Вы отклонились, вы начали говорить о недоверии ко мне, прошу продолжать.

ДОРОШЕНКО В.В.: В вашей книжке есть целый ряд недостатков. Здесь уже отмечали, что обсуждение вашей книги велось в келейной обстановке. /Е.А. Косминский: «Всех приглашали!»/ Я тоже был... /Смех/ но я не выступал, потому что все время создавалась такая атмосфера, почему-то считалось неудобным выступать. Сегодня во время перерыва в коридоре ко мне подходили товарищи, которые учатся вместе со мною у Александра Иосифовича Неусыхина, и спрашивали: «Ты как будешь выступить по поводу Неусыхина?» Я хотел бы к этим товарищам обратиться и сказать им: на мне лежит обязанность дать политическую оценку ваших последних работ, Александр Иосифович. Я думаю, что вы согласитесь с тем, что если бы вы не были в этом смысле повинны во многих ошибках последних лет, то сегодня о Допше не упоминали бы. О Допше приходится упоминать, потому что ваши работы пропитаны буржуазным объективизмом, пропитаны космополитизмом. Не будем страницы цитировать. Я не хочу вдаваться в конкретные подробности тех вопросов, которые в вашей работе трактуются. Вы имели в своих руках богатый материал, вы обладали большим опытом исследовательской работы, вы обладали вместе со всеми нами тем богатством, которое нам оставили Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин. Что же в конце концов получилось? Что представляют ваши работы по существу? Я имею в виду, прежде всего, вашу диссертацию как самую значительную работу. Александр Иосифович, в этой диссертации вопрос по феодальному периоду, вопрос варварского общества, варварского государства трактуется в плане развития понятия, имеется в виду понятие свободы и собственности.

Я не хочу сказать, что собственность или свобода являются простыми понятиями, они имели конкретное содержание, но как они развиваются в вашей работе? Вот тут упоминание Гегеля. Я думаю, что Гегеля там больше, чем Энгельса.

Если вам задать вопрос, какой эпохой вы будете датировать все эти явления, которые вы исследовали в своей работе, то вы затруд-

нитесь ответить на этот вопрос. Я не считаю это работой историка, потому что историк в том материале, пусть правовом, должен различать те тенденции, которые выступают как следующий этап общественного развития. Речь шла в данном случае о вызревании феодализма в рамках префеодалного общественного уклада, вы же направили острие, устремление всей своей исследовательской мысли назад, вы старались реконструировать прошлое. Я не знаю, зачем этим нужно заниматься.

Я думаю, что тот доклад, который Александр Иосифович делал последний раз у нас на кафедре, доклад «О варварском обществе и военной демократии», грешит теми же ошибками. Главные из этих ошибок заключаются в том, что Александр Иосифович не знает ни марксизма, ни ленинизма, не знает марксистско-ленинской теории, не хочет ее применять, а там, где пытается ее применить, искажает.

Вы в своей работе, в диссертации цитируете Маркса, используете мало известную работу Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству». Почему вы эти высказывания Маркса, которые требуют внимательного и острого подхода, почему вы не связали с той широкой картиной, которую дает Энгельс?

Здесь я подхожу к вашему докладу, который вы читали на кафедре. В этом докладе, привлекая Энгельса, вы это сделали только в порядке инкрустирования. Высказывания Энгельса здесь фигурируют как тело инородное. Те мысли, которые заключены в этой работе, названной мною – «Маркс о непосредственном производителе, о трудящемся субъекте», там ряд материалов всевозможных поднимается, которые имеют непосредственную связь с формулировкой Энгельса относительно военной демократии.

Я думаю, что у товарищей после вашего доклада на кафедре все-таки неудовлетворительное впечатление осталось. Я, например, не понял, почему это военная демократия.

Я должен кончать. Я вот еще что хотел сказать. Я отвлекаюсь.

Вам я хотел вот что сказать, Евгений Алексеевич. Те ошибки, которые вы допустили вместе с рядом других сотрудников в сборнике «Средние века», вы их повторяете в своей новой книжке в историографическом введении. По линии историографии можно было бы много вопросов поднять. Поднять хотя бы такой вопрос: вы курс в 1940 году начали с Августина читать по историографии, а русская историческая мысль, которая занималась английской историей, начинается очень поздно. Обидно слушать, что у вас получается, что до 60–70-х гг. русские люди не имели никакого мнения ни о Западной Европе, ни об Англии.

Я думаю, что вы грешны во многих ошибках, особенно историографического характера. Думаю, что эти ошибки, хотя я невеликий

специалист, не могут существовать изолированно, независимо от метода, которым вы работаете.

Последнее, что я хотел сказать, – пусть в литературе наши старшие товарищи выскажутся.

СТАРОСТИН: Несомненно, что в работе наших медиевистов существует целый ряд ошибок, приближающихся к космополитическим. В работе византийской группы, в частности, был допущен целый ряд крупнейших ошибок, в результате которых советское византиноведение было сведено на нет, с одной стороны, преклонением перед Западом, с другой стороны, преклонением перед русским буржуазным византиноведением. В работах Б.Т. Горянова об Успенском превозносится реакционное славянофильство. Указывается, что работы таких людей, как Хомяков, Ламанский, словом, реакционных славянофилов, подготовили в России почву для научного исследования. Объяснение Успенским падения первых славянских образований на Балканском полуострове тем, что у славян была сильная семейная община, которая не давала возможности объединиться в крупное государство, это объяснение Успенского считается глубоким и как-то исключительно научным. Вообще каждое слово крупного византиноведа, далеко не безупречного в научном отношении, Успенского, рассматривается как какое-то последнее откровение науки. Советское византиноведение, по мнению Б.Т. Горянова, должно заниматься продолжением и развитием тех идей, которые в свое время были выдвинуты Успенским и Веселовским, и теми идеями, которые развивал во Франции Ш. Диль и его школа.

Подобные идеи в работах по византиноведению проводились акад. Лазаревым, который заявил, что вся мировая наука – это выражение мы встречаем в его статье – получила чуть ли не бесценное сокровище после того, как американцы произвели исследование святой Софии, после того, когда они обследовали те фрески, которые были закрыты турецкими мастерами.

Это понятно, и работы американских исследователей по этому вопросу открывают какой-то новый этап в развитии византийского искусствоведения.

Молодой член византийской группы тов. Каждан в своем последнем докладе на византийской группе заявил, что вообще по новой истории Византии с 1902 г. ничего не сделано, и все работы советских византиноведов, таким образом, свелись на нет.

Все эти факты являются несомненным примером какого-то ослабления будто с нашей стороны, примером того, что идеологически чуждые влияния проникают в среду советского византиноведения, и ярким цветом они расцвели в первом томе «Византийского Временника», вышедшего под редакцией Е.А. Косминского, и в пос-

ледствиях, за которые несет ответственность Е.А. Косминский. Эта работа несет на себе печать этого же традиционализма и преклонения перед Западом.

По отделу библиографии там говорится, что «наш отдел библиографии будет знакомить советских читателей с буржуазной мыслью». Там ничего не говорится, что мы должны критиковать ее, потому что она является одним из реакционных отрядов буржуазной исторической науки.

В связи с этим следовало бы упомянуть также, что недавно в аспирантуру нашего университета были приняты две молодые аспирантки с филологического факультета, не имеющие специальной исторической подготовки, но, правда, им был продлен срок на год для того, чтобы они могли лучше подготовиться по истории. Но, во всяком случае, с ними сейчас достаточной работы не ведется, такой работы, которая сделала бы их подлинными членами нашего исторического фронта. Это тоже в дальнейшем может привести и к серьезным идеологическим ошибкам, поэтому я не думаю, Евгений Алексеевич, что этот вопрос не относится к теме.

В связи с этим хотелось бы сказать несколько слов о положении вообще на всем фронте медиевистики. Фронта все-таки, мне кажется, нет. Есть целый ряд крупных работников и, так сказать, мелких работников, которые ведут работу на свой страх и риск.

Нет какой-то целеустремленной, направленной борьбы по выполнению заданий советского народа, которому мы только и обязаны тем, что мы можем работать над проблемами истории средних веков, и которому мы обязаны отплатить за ту заботу, которой он нас окружил.

Целый ряд ошибок, которые здесь цитировались, все эти неправильные высказывания мыслей, целая система высказываний не встречали должного отпора.

Нина Александровна говорила, что она в 1940 году выступала против книги Вайнштейна, т.е. в 1940 году ей были ясны его ошибки. Теперь 1949 год. Неужели девять лет понадобилось для того, чтобы в конце концов понять вред этой книги и заклеить ее публично! Мне кажется, это слишком долгий срок, и если такие сроки и в дальнейшем у нас будут, если мы сегодня будем выступать против ошибок, а через девять лет будем говорить, что вот мы девять лет назад указывали, а ошибки все не исправили, теперь начинаем их исправлять, – плачевное будет для нас положение. Мы должны вести наступление сейчас. У нас нет духа борьбы против американского империализма, против тех крайне реакционных идей в медиевистике, которые сейчас проводятся в Америке, подхватившей все реакционные идеи Германии. Мне saddается, что все новые курсы, все новые

теории формируются на основе Вебера и Допша. Естественно, мы должны дать и наши конкретные исследования, и общие курсы, наполненные боевым содержанием, а не такими идеями, что Россия не оказала существенного влияния на Западную Европу, как в статье, предпосланной «Византийским Современником» Успенскому, где, к великому сожалению, говорится, что «разрушили Армению», т.е. часть Советского Союза. Это еще ничего, но самым плохим последствием этого было то, что турецким ордам была открыта дорога в Малую Азию. За Малую Азию Успенский беспокоится, а то, что была разрушена целая страна Армения, – это его мало беспокоит. Несомненно, это научное наследство нам нельзя печатать, но печатаем эту статью, в которой выражается немало подобных мыслей, и печатаем на первом месте, как программу нашего советского византиноведения.

По-моему, тут прежде всего необходима и серьезная критика со стороны всех членов нашей группы и со стороны тех, кто выступает, и со стороны тех, кто молчит и только с места о регламенте кричит...

КОСМИНСКИЙ Е.А.: Теперь мне с председательского места разрешите напомнить о регламенте.

СТАРОСТИН: Я сейчас кончу. Большая также ответственность лежит на руководителях нашей медиевистики – на Евгении Александровиче и Сергее Даниловиче и на других профессорах, которые должны со всей решительностью выступить против любых искажений марксистской идеологии, проявляющихся за последнее время в советской медиевистике. Высказаться в общей форме и конкретно по тем обвинениям, которые были выдвинуты, а не только касаться критики какого-либо участка работы. Такие выступления со стороны людей, отвечающих за весь фронт медиевистики, я считаю неправильным.

ГУТНОВА Е.В.: Я хочу остановиться на одном как раз конкретном вопросе, с которым мне непосредственно приходится сталкиваться в моей преподавательской деятельности, и хочу обратить внимание собрания именно на него, потому что мне неоднократно приходилось с этим вопросом сталкиваться.

Я считаю, что борьба с буржуазным космополитизмом, в частности для нас, преподавателей Московского университета, – это борьба за молодое поколение историков, чтобы мы могли создать советских историков. В отношении наших студентов, с которыми мы непосредственно сталкиваемся, мы никогда не должны этого забывать.

Мне кажется, что и в своей научной работе, и в методической работе одинаково и то и другое постоянно переплетается. Это нужно всегда иметь в виду, что мы должны воспитывать студентов в духе советского патриотизма. Мы должны заложить в сознание наших

студентов прочную базу против враждебных антимарксистских теорий, будут ли они выступать в виде прямо космополитических теорий, или в какой-либо другой форме, потому что здесь говорили, что космополитизм иногда выступает и в других формах, в частности в форме буржуазного объективизма и т.д.

С этой точки зрения я и хочу подойти к тому вопросу, который меня интересует.

В 1947 г. с грифом Московского университета вышла книга академика Виппера «История средних веков». Эта книга в свое время была подвергнута критике на ученом совете исторического факультета Московского университета. Но нужно сказать, что эта критика была не вполне достаточной, потому что часть тех людей, которые должны были критиковать, не явились на это собрание.

После этого, к великому удивлению, я прочитала в «Вопросах истории» такую несообразную рецензию, которая, с одной стороны, громила эту книгу, а, с другой стороны, рекомендовала ее советским студентам.

Почему я возвращаюсь к этому вопросу, хотя прошло два года с тех пор? В моей работе со студентами, а я имею дело со студентами 2-го и 3-го курсов, особенно с заочниками, передо мной стоит вопрос: а можно ли пользоваться книгой Виппера при сдаче экзамена. Она кратко написана, хорошим языком, доходчива, и у большинства студентов возникает соблазн использовать эту книгу для подготовки к экзаменам.

Между тем, эта книга как учебник служить не может. Она представляет собой не марксистскую книгу, вредна для нашего студенчества и совершенно чужда марксистско-ленинскому медиевизму.

Если с этой точки зрения рассматривать космополитизм, то эта книга вполне подходит под такое определение космополитической книги. Академик Виппер является живым представителем тех историков, о которых у нас так много идет разговоров.

Это представитель тех самых русских историков, о которых всегда мы говорим, что у нас имеются такие традиционалистические отношения к ним, что мы их недостаточно критикуем, что вместе с тем мы должны оценивать те заслуги, которые они имеют перед исторической наукой. Я не хочу умалять заслуг Виппера в прошлом. Нам всем известно, что он стоял на левом фланге русской буржуазной историографии до начала XX века, особенно до революции 1905 года. Но это несколько не снимает того, что книга в основных своих положениях вредна. Я не буду особенно подробно останавливаться, приведу несколько ярких примеров.

В книге Виппера имеются ссылки на марксизм, на марксистско-ленинскую историческую теорию, но эти ссылки вынесены в предис-

словие, они все находятся в предисловии. В дальнейшем изложении ни одного указания на марксистско-ленинское понимание совершенно нет, а то практическое изложение, которое дается в книге, совершенно враждебно нашим марксистским взглядам на историю средневековья.

Я ограничусь примерами принципиального характера. Как рассматривает Виппер кризис Римской империи? Он рассматривает этот кризис исключительно как кризис политический даже в III веке, как кризис религиозный. Ни словом на протяжении почти 30–40 страниц, на которых рассказывается о последних вариантах Римской империи, не упоминается о кризисе рабовладельческого способа производства. В соответствии с этим и крушение Римской империи рассматривается не как акт социального переворота, а как мирный переход от одной эпохи к другой, причем никаких существенных изменений в связи с этим не происходит, по представлению Виппера.

Как он характеризует варварские государства, которые создаются на территории Западной Римской империи? Он говорит только одно, что «старогерманское социальное устройство совпадало с формой, которую варвары нашли...»

/Читает/

Это совершенно неправильное объяснение тех событий, которые происходили в момент вторжения варваров на территорию Римской империи. Вместо того чтобы оттенить различия, он подчеркивает сходство, причем такое сходство, которого не было, потому что о каком рабовладении можно говорить у германцев? Мы знаем, что отличие этих варварских государств от Римской империи Энгельс видел в том, что они показывают как главную форму этих обществ именно свободного варварского крестьянина.

Я могла бы привести здесь колоссальное количество примеров, которые можно набрать на любой странице. Но я хочу отметить вот какой момент. В книге присутствует явная идеализация роли католической церкви в средние века. Уже с самого момента возникновения, зарождения феодализма католической церкви отводится не только большая роль, но прогрессивная и такая благотворительная роль. Елейным тоном описана вся миссионерская деятельность католической церкви. Папа Григорий I, которому посвящено почти две страницы, описан в духе святого, который благодетельствовал римское население, который заботился о распространении христианства. Социальная сущность распространения христианства совершенно игнорируется.

Грешна эта книга также и некоторыми космополитическими ошибками в прямом смысле этого слова. В частности, в книге совер-

шенно отсутствует история западных славян. Правда, Руси отведено довольно много места, но западные и южные славяне в книге отсутствуют. Виппер говорит о расселении древних германцев, но не говорит, как и где существовали древние славяне.

Одним словом, общее впечатление от этой книги такое. Когда читаешь эту книгу, то кажется, что вообще не было ни Октябрьской революции, не прошло тридцать два года после Октябрьской революции. Эта книга сидит целиком в начале XX века, она совершенно безнадежно устарела, а вместе с тем она преподносится нашим студентам как книга, которой можно пользоваться, поскольку она выпускается 10-тысячным тиражом под грифом Московского университета.

Такое положение нетерпимо, и эту книгу нужно квалифицировать как вредную и не допускать ее для дальнейшего пользования, особенно студентами.

Теперь я хотела сказать еще несколько слов по другому вопросу. Здесь выступал тов. Сапрыкин, который говорил о работе кафедры истории средних веков МГУ. Я позволю себе присоединиться с полным энтузиазмом к тому, что он здесь говорил.

Действительно, мне бы лично очень хотелось тоже, чтобы кафедра, наконец, проснулась от того долгого сна, в котором она находится. Мне хочется, чтобы кафедра – и это необходимо, – чтобы кафедра действительно стала центром работы не только для преподавателей, но и для нашей студенческой массы.

Вот мы в этом году наметили ряд докладов на кафедре по истории государства. Один из этих докладов – Неусыхина – состоялся. Доклады были намечены на 1948–1949 г. Состоялся пока что один доклад, а что касается интереса к этим проблемам, которые поставлены в этих докладах и которые будут еще разрешаться, он чрезвычайно велик. И вот мне недавно пришлось столкнуться с таким явлением, что студенты 4-го курса устроили конференцию, на которой они поставили те проблемы, которые мы еще собираемся ставить на кафедре. У них эта конференция проходила очень оживленно. Я на одном из собраний присутствовала. Они очень хорошо поработали.

Но все-таки, мне кажется, что это определенный беспорядок в работе кафедры. Мне кажется, что все-таки кафедра должна была ставить эти вопросы, а потом студенты обсуждать на своих конференциях. Они во многих вопросах путаются, делают грубые ошибки, а кто же их поправит, как не кафедра. Мне кажется, что вопрос о такой активизации работы кафедры имеет прямое и непосредственное отношение к борьбе и с космополитизмом, потому что только в атмосфере постоянного обмена мнений и широких теоретических обсуждений можно действительно такую борьбу по-настоящему вести.

НЕУСЫХИН А.И.: Я не смогу за поздним временем ответить на все те отдельные верные замечания, указания, которые мне делали. Я охотно это сделал бы, но, повторяю, не смогу физически этого выполнить, а поэтому буду держаться преимущественно замечаний Нины Александровны Сидоровой, и то самых главных, а об остальных ораторах, которые мне оказали внимание, я буду говорить кратко, попутно, за некоторым, правда, исключением.

Всем известно, что все на свете развивается, в том числе развиваются и ученые, и, само собою разумеется, что книга, выпущенная в 1929 году не есть та книга, которую я сейчас написал бы. С этой книгой я не согласен. Если я об этом не заявлял нигде публично, как говорила Нина Александровна, это происходило просто потому, что обсуждения этой книги нигде не было. Она справедливо считалась устаревшей, и я сам таковой ее считаю. Она неправильна в 1949 году, но она была неправильна и в 1929 году. Однако везде, где я имею возможность или необходимость об этой книге говорить, я везде указываю, что я с ней не согласен. Не обходится ни одного семинара без напоминания: если вы возьмете эту книгу, имейте в виду, что из нее можно взять только фактический материал. Придите ко мне на консультацию, я вам объясню, что в ней неверно.

Кстати, эта книга не написана в 1929 году, она опубликована в 1929 году, окончена написанием в 1926 году, – три года была в издательстве, а написана она в 1923–1924 годах. Надо учитывать, что ее писал автор, который даже не вступил еще в аспирантуру, только кончил университет, которому было 25 лет. Это не извиняет, а это кое-что объясняет. Я в это время действительно был несколько под влиянием теории Допша, которое, я считаю, давно преодолел, и это выражается в моей повседневной работе. Я, как говорила Нина Александровна и все выступавшие, выступаю перед большой аудиторией слушателей. Если бы я занимался пропагандой Допша, я бы не мог преподавать, потому что мои слушатели этим бы возмутились и я бы сам возмутился, ибо это не соответствует моим теперешним взглядам. Не обходится ни одного семинара, где бы я не подверг критике Фюстель де Куланжа и не указал, что у меня это было увлечение, и увлечение кратковременное, не обоснованное. Указываю на то, что в моих работах последних, сколько бы в них ни было ошибок, все-таки, Нина Александровна, в них содержится прямое опровержение Допша. Разрешите вам зачитать одно место из той самой статьи «[пропуск]» на которую здесь указывали: «Порядок наследования...»

/Читает/

Я оперирую понятиями: родовая община, большая семья, соседская община.

/Читает/

Я считаю, что моя статья о лангобардах исправила те ошибки, которые были допущены мною в книге о древних германцах. Повторяю, что лучшей критикой самого себя является эта моя работа.

Я критиковал буржуазных авторов Фюстель де Куланжа и Г...³² Мою критику Г... признал такой специалист, как А.Д. Удальцов.

То обстоятельство, что я написал одну локальную статью, представляющую собою локальное исследование, не позволяет еще обвинить меня в фактологии. Люди, знающие меня с юных лет, как Сергей Данилович и Евгений Алексеевич, всегда отмечали мою излишнюю склонность к широте обобщений, а никак не к фактологии. Это отрывок из работы, исполненный когда-то, притом незавершенный и незаконченный.

Одновременно с этим напечатана моя работа «Исторический миф третьей империи»³³. Здесь, исходя из ленинского понимания прусского пути развития, я показываю, как [пропуск] этого прусского пути и даю целый ряд обобщающих построений.

Я не сторонник фактологии, я никогда слепо не придерживался фактов, вообще считаю, что всякий факт является для нас, руководящихся точкой зрения, (важным в той мере) какую закономерность историческую он дает возможность вскрыть, какие процессы диалектического исторического развития.

Относительно некоторых моих учеников, которые будто бы у меня заимствовали буржуазный юридизм. Я не знаю, Нина Александровна, сами вы пользовались предисловием. Я в 1948 г. написал предисловие. Я не знаю, то ли у вас в руках или другое, но, во всяком случае, курс одинаково читался. Там я говорю прямо, что такой главной целью является борьба с буржуазным юридизмом. Раз я изучаю право, то я должен сказать, что буржуазные историки давали либо историческое изложение, где они отрывают истины друг от друга, либо чисто систематически, как Г[пропуск]. Я не говорю, что нужно сочетать. Я привожу высказывания Маркса, Ленина, Сталина.

И в таком плане я читал курс. Курс я читал по истории права и должен был анализировать право, но я же не мог его подменить курсом по истории всего общественного развития, всего хозяйства. Но я во время всего курса указывал и подчеркивал, что только из стадии развития производительных сил и производственных отношений [пропуск]. Я брал варварское общество, затем феодализм и разбирал, как на каждой из этих стадий конструируется государственное право.

Конечно, в этом курсе может быть и ряд ошибок. Курс этот новый. Вообще никто не читал его, вообще ни в советское, ни в другое время. К тому же я не считаю себя настолько крупным специалистом, чтобы вести курс новый безошибочно. Я рядовой работник науки, вероятно, наделал ошибок здесь.

Теперь относительно моих учеников. Граменицкий и Михаловская никогда моими учениками не были. Они старше меня на 10–15 лет, они могли быть моими учителями. Они ученики Грушевского³⁴. За напечатание их статей несет ответственность вся редакция сборника, куда и я входил. С этой стороны я несу ответственность. Вейс и Данилов. Оба они члены партии, оба провели годы на фронте, один погиб в борьбе с фашистами и захватчиками, другой, Данилов, имеет ряд орденов. Оба они пишут в своих статьях о том, что иммунитет есть орудие внеэкономического принуждения. Данилов сделал прекрасный доклад на кафедре. Этот доклад он сократил для своей статьи. Мысль у него совершенно ясная, что только как орудие классового господства следует понимать иммунитет.

Я очень благодарен вам, Нина Александровна, за то, что вы мне напомнили о моей книге, хотя она пройденный этап, *plusquamperfectum*, но тем самым я имел возможность сказать об этом давно прошедшем времени.

Некоторые другие замечания. Я не знаю, Зинаида Владимировна, какую вы читали программу моего спецкурса по истории Германии, где я называю Фридриха I блестящим государем? Может быть, неправленную стенограмму? Я говорю очень быстро, на это жалуются все мои слушатели, вследствие этого и специалист-стенографистка может сделать ряд технических ошибок. Я во всех лекциях говорю, что немецкие историки прославляют Фридриха как блестящего государя. При беглом взгляде может так показаться, однако, и Фридрих I и Фридрих II были тиранами, они потерпели крах. Указывая, что они были определенного класса, определенной эпохи люди. Никогда не идеализировал Фридриха I. Сошлюсь на статью «[пропуск]», которая представляет как бы краткий конспект этого курса. Там сказано о Фридрихе II полным голосом и о Фридрихе I тоже.

Почему не использовал Грацианского и Удальцова? Я эти работы очень ценю: одна посвящена Франции, другая – раннему средневековью. Я начинаю курс с X века. Я писал о варварской правде, ни одной работы ни у Удальцова, ни у Грацианского нет по этому периоду. Что я могу сделать? Я переработаю свою статью с точки зрения тех указаний, которые мне даются.

Должен кратко коснуться двух выступлений: В.В. Дорошенко и т. Белкина.

Василий Васильевич, вы во многом ошибаетесь. Ошибаетесь, во-первых, в том, что я не знаю марксизма. Я честно должен сознаться, что с юного возраста я знаю Маркса. Вас не было на свете, я уже знал Маркса. Я получал из-под полы Маркса и Плеханова, тогда Плеханов был в большом ходу, и Ленина и читал их, опасаясь, что я буду вскрыт и что меня могут исключить из гимназии.

Не знаю идеологии марксизма-ленинизма, – это утверждать никак нельзя. Вы помните, и до войны и сейчас продолжаю учить тому же, чтобы вы применяли марксистско-ленинский метод на конкретном исследовании фактов. И вы очень способный ученик, вашей диссертацией я очень доволен. Вы в выгодном положении в том отношении, что вы ссылаетесь на печатные работы, а у вас печатных работ еще не было. Если бы я принял ваш метод полемики, я бы тоже сказал, что нужно конкретизировать Ленина и Сталина и давать не инструктирование, а изложение предмета с точки зрения марксизма-ленинизма.

Нина Александровна не усматривает особых возражений принципиальных против моего доклада. Может быть, я сделал ряд ошибок, но речь идет о принципиальной постановке.

Этим я закончу. Вот вы говорите, что я двадцать лет повторял везде, будто бы, что юридическая школа выше марксизма. Я никогда в жизни, ни двадцать лет, ни один день этого не утверждал, и было бы совершенно дико, если я что-либо подобное тогда говорил. Если в моих работах находят, что я недостаточно научно анализирую право как надстройку, это моя ошибка. Но другое дело те обвинения, которые вы предъявляете.

В течение войны я не только написал две статьи против фашизма, одна, которую здесь Нина Александровна упоминала, и другая, которая напечатана в 1945 г. в «Ученых записках МГУ». В этих работах я разоблачаю беспощадно фашизм. Но этого мало. В течение войны в Свердловске, Томске, Москве я читал несколько десятков, около 40, публичных лекций и о расовой теории, и о Ледовом побоище, и о гуситских войнах.

Я помню тот день, сумрачный день в Томске, когда после такого моего доклада в госпитале один из красноармейцев выступил с горячей речью, в которой он говорил: «Товарищ докладчик нас звал к борьбе, он нас вооружал, мы будем сильнее теперь, если отправимся на фронт». Эти слова я никому не могу доказать, но у меня есть письменная благодарность из общества технических знаний. Человек, который так вел себя во время войны, вряд ли может быть космополитом и чем-то вроде агента англо-американского космополитизма. Вы кого-то другого видели вместо меня, к кому-то другому адресовались.

Я бы охотно принял предложение И.Д. Белкина разоружиться, если бы я был согласен с ним в том, что я вооружен как-то в духе космополитизма. Я вооружен в духе борьбы и с фашизмом немецким, и англо-американским, и любым другим и надеюсь, как мои скромные силы пригодились в борьбе с фашизмом немецким, они пригодятся когда-нибудь и в борьбе с фашизмом англо-американским.

У меня есть ученики. Я не виноват в том, что у меня есть ученики. Я так загружен работой, что иногда рад был бы, чтобы у меня не было учеников, но они есть, что же я могу с этим поделать. Так вот, я вооружаю их и обучаю с тем, чтобы они применяли марксистско-ленинский метод к конкретному изучению своей специальности так же, как я через долгий путь исканий научился его применять, и я думаю, что этим самым я воспитываю в них советский патриотизм. Я могу сказать о себе прямо.

Я могу быть человеком ошибающимся, заблуждающимся, ищущим и делать ошибки, но я не могу быть человеком нечестным. Я прошу верить тому, что я не космополит, а советский ученый и советский патриот.

/Аплодисменты/

СТОКЛИЦКАЯ-ТЕРЕШКОВИЧ В.В.: Я буду очень краткой. Я хотела остановиться на критике учебника Виппера. В свое время я не имела возможности развернуть эту критику, хотя была приглашена к этому, потому что я была больна и не могла придти на это заседание.

Зинаида Владимировна достаточно подробно остановилась на недостатках этого учебника, чем меня избавила от необходимости останавливаться на них. Я хочу только указать на одно упущение, сделанное ею, упущение, представляющее недостаток, который, к сожалению, является недостатком этого учебника.

Вузовский учебник по истории средних веков Виппера трактует средневековую Италию как придаток к средневековой Германии. Тут германоцентристская точка зрения была совершенно недопустима и в то время и еще более недопустима в настоящее время. История Италии – это самостоятельный процесс, создаваемый классовой борьбой в Италии, и знаменитые походы германских императоров, которым придавалось такое значение, это один момент в истории Италии, момент, действовавший разрушительно, но ни в коем случае не вызвавший поворота этой истории в другую сторону. Но, к сожалению, в этом учебнике Р.Ю. Виппера, идеалистически-космополитическом, абсолютно непригодном для того, чтобы дать его в руки учащейся молодежи, затронута тема, которая должна быть затронута в нашем вузовском учебнике. В учебнике Виппера существует несколько страниц, не больше, посвященных Киевской Руси. Он связывает историю Киевской Руси с историей образования других государств – французского, немецкого, английского. Это следовало бы ввести и у нас.

Я не буду останавливаться на всех предложениях улучшения и изменения наших учебников, я скажу только одну вещь: этот учебник должен быть не изменен, а написан заново.

Когда Евгений Алексеевич поставил на кафедре вопрос о новом издании, он выразился, что это издание гораздо легче сделать, чем 10 или 12 лет тому назад, потому что имеется готовый учебник. Я совершенно не согласна с таким взглядом. По-моему, это несколько не легче сделать, может быть, даже труднее сделать. Нужно этот учебник устранить, сделать *tabula rasa* и написать новый учебник.

Наша задача – воспитывать чувство патриотизма в молодежи, не просто прививать марксистско-ленинское мировоззрение, как было только что сказано, а воспитывать патриотов нашего отечества.

Проф. Белкин совершенно прав, говоря, что идет подготовка войны, и в целом ряде стран идет соответствующая подготовка идеологии. Мы должны дать хороший отпор. Наш учебник ни в каком смысле не соответствует этой задаче. Очень хорошо, что во втором издании учебника история славянских стран получила более подробное освещение, чем в первом издании, но очень плохо, что история Руси совершенно не введена. Между тем у Виппера в том учебнике, который невозможно дать учащимся, поставлена эта тема. Там мы найдем вопрос о Киеве, о киевских городах и о Киевской Руси. Больше того, он связывает киевские восстания 1068 года, которые он подробно описывает, с той волной городских волнений, которые прокатились по Германии и Франции в 60 и 70-х гг. XI века.

Нам бы следовало это поднять. Но мало того, нужно это продолжить. Международные связи вообще чрезвычайно слабо освещены в учебнике. Одна только англо-французская война нашла там, в сущности, отражение. Балтийский вопрос поставлен, но тоже очень слабо. О Новгороде говорится очень мало. Между тем Новгород и Псков должны были быть трактованы гораздо более подробно – это средневековые города, через которые шла связь с современной Европой. Но этого мало. Черноморская проблема абсолютно не выдвинута, и никто никогда даже не говорил об этом. Совершенно необходимо отметить это в учебнике. Правда, у нас нет соответствующих исторических работ сейчас, стоят на очереди эти исторические работы о значении Черноморья в истории Киевского и Московского государства, и, может быть, параллельно этим историческим работам удастся внести соответствующие элементы и в учебник.

Крым – составная часть нашей страны, нашего государства. Итальянские колонии в Крыму – это такой благодатный, прекрасный материал, который прямо просится на страницы учебника, это стык между историей Запада и историей Древней Руси – Киевской и Московской. Это должно быть выдвинуто.

Вот то небольшое, чем я сейчас хочу ограничиться, а если вообще выражать «[пропуск]», о вашем учебнике можно было сказать очень

многое. Базировать, строить новый учебник на базе этого – это совершенно нелогично, там основные моменты не приведены.

СКАЗКИН С.Д.: За поздним временем разрешите мне быть очень кратким и, может быть, подвести некоторые итоги, хотя это не моя обязанность, а обязанность Нины Александровны.

Я, прежде всего, хотел обратить внимание на ту волну общественного движения, которой мы являемся свидетелями. Каждый историк обычно задает вопрос: а что это такое? А чем она вызвана?

Я думаю, что никаких сомнений не может быть в том, что мы имеем перед собой резко отрицательное отношение к космополитизму во всех его видах, я бы сказал, настоящую мобилизацию нашей интеллигенции на борьбу за вполне определенные ценности.

Что сейчас происходит в Западной Европе, в этой самой знаменитой Западной Европе, перед которой мы все немножко преклонялись и все еще черпаем оттуда свои материалы поневоле, поскольку мы являемся историками Западной Европы. Мне приходится сейчас, к сожалению, чрезвычайно редко, реже, чем это нужно было бы делать, просматривать новые журналы, особенно журналы американские. Более наглой, я бы сказал, бандитской политики по отношению к Советскому Союзу я не видел. Причем, это делается не в исторических журналах, журналах чрезвычайно скучных последнее время, а делается это в журналах, которые будто бы никакого отношения к истории не имеют. В богословских журналах идет отчаянная борьба, которая направлена против нас. Идет она по двум линиям.

С одной стороны, это теоретическое, на высоком, чрезвычайно «академическом» уровне рассмотрение основ коммунизма в целом и стремление показать, что он абсолютно никуда не годен. Причем иногда даже о Советском Союзе ни слова не говорится, а если говорится – ну, мол, это Азия, в конце концов, какой была, такой и осталась, или вроде того, что все то, чем сейчас советские ученые занимаются, – это все такие пустяки, на которые не следует обращать внимание.

У меня собрался довольно большой материал как раз по этому вопросу. Нам сейчас, несомненно, нужно на это ответить. В конце концов, та волна, которая наиболее всего ярко проявляется в этих трудах, она, в конце концов, хлынула таким колоссальным потоком, что она, несомненно, имеет огромное влияние также на нас, поскольку нам приходится знакомиться с иностранной литературой.

Когда мы сейчас каждое утро читаем газеты с душевным волнением, потому что надвигается гроза, то мы должны отдать себе в этом отчет и не только бороться с космополитизмом, но нам нужно мобилизовать себя на борьбу со всеми этими мутными волнами, которые снабжаются таким колоссальным количеством долларов,

в результате которых Б. Морган закупил оптом и в розницу папу Пия XII, а Рокфеллер помещает огромные капиталы в Католический университет в Вашингтоне, и на эти деньги выбрасываются десятки диссертаций, в которых говорится о Фоме Аквинате и его учении об истине. Таких диссертаций десятки и сотни. Содержание этих диссертаций заключается в борьбе с марксизмом без всяких разговоров.

Нам нужно понять это, и здесь с этих позиций, с позиций защиты нашей родины мы должны перестроить себя и подвергнуть критике свою работу. Мы должны сказать, что мы очень многого не делаем и делаем очень большие ошибки.

Я не буду останавливаться на отдельных лицах, хотя кое на ком хочу остановиться. Почему, например, сейчас бьют группу Минца. Их бьют еще и за то, что они не делали того, что должны были делать. История нашего советского общества – это тоже есть бомба, в определенном направлении брошенная.

Страны народной демократии нуждаются в подобного рода исторических произведениях, потому что они дают им возможность не делать многих ошибок. С подобного рода умалчиванием встречаемся в целом ряде работ. Я укажу на работу Гуковского по истории возрождения Италии, скверная книжка. Человек пишет, и нет оснований ему не верить, что он чуть не шестнадцать лет занимается этим вопросом. Автор собрал огромный материал, который декларируется с марксистско-ленинских позиций, но попробуйте найти эти позиции, ни за что их не найдешь. Как будто человек не знает, что существует колоссальнейшая литература по философии гуманизма, по философии средневековой морали. Ни слова об этом. Имеем лишь собственный метод с точки зрения осмысливания того, что является гуманизмом. Таким образом, кажется, что человек воздержался от самого главного, т.е. от того, что представляет с точки зрения теоретической этот гуманизм и какие мы должны задачи ставить, а ведь задачи чрезвычайно сложные и трудные, потому что мы имеем перед собою идеологическую форму высокого порядка. И каким образом оказывать на нее влияние, – ничего этого абсолютно нет. Между прочим, эта задача теоретически чрезвычайно трудна, ее надо было сделать. И получается, хочет или не хочет, автор идет по линии того, что собирает материал, пересыпает некоторыми своими фразами, а в собственном смысле концепции нет.

Перехожу непосредственно к нашим делам. Прежде всего, я должен сказать, что правы те, которые выступали относительно того, что наша кафедра – спящая красавица. Не знаю, какая она там красавица, но спящая – это несомненно. Евгений Алексеевич, надо сде-

лать как-то таким образом, чтобы в тот период, когда вы болеете, обязательно была бы организация, которая бесперебойно действовала бы. /Е.А. Косминский: «Вы мой заместитель»/ Я не могу сразу заменить трех человек, мне это не под силу.

Что касается нашей научной работы, то мы должны сейчас нашу научную работу строить несколько по-иному. Не только заниматься теми проблемами, которые почему-либо интересовали нас когда-то, но сейчас надо выбирать объект нашего исследования в зависимости от фронтовых задач, как бы я сказал. Это нужно сделать. И тут я должен критически выступить против своей собственной работы. Правда, я чрезвычайно загружен административной работой, никак не могу от нее отделаться. Конечно, мне нужно было выступить против католической церкви, тем более, что я тут до известной степени считаю себя специалистом. У меня болит душа, что я не могу продолжать работу по-настоящему, но ничего не получается, у меня слишком много нагрузок.

Относительно учебника. Тут говорили общие фразы об учебнике. Несомненно, его надо подвергнуть специальному обследованию. Проектируется у нас тоже соединенное заседание кафедры и сектора с приглашением всех медиевистов, которые работают в Москве, чтобы поговорить с ними относительно того, какими должны быть те изменения, которые мы должны внести в текст учебника. Думаю, что если мы будем все это выполнять, а главное, если мы будем помнить, что мы находимся на фронте, пусть это фронт холодной войны, это фронт идеологический, мы ограничимся минимумом всевозможных ошибок.

ЛАВРОВСКИЙ В.М.: Я считаю своим долгом признать, что в своих выступлениях я не всегда проводил отчетливо ту грань, которая легла между советской и дореволюционной русской исторической наукой в 1917 году. Вместо того, чтобы акцентировать методологическую чуждость марксизму наших учителей, я был склонен подчеркивать их научные достижения, чем объективно ступшеывалось необходимое критическое отношение к научному наследству русской школы по аграрной истории Англии. В той работе, которую мне поручено написать Университетом о Савине (биографический очерк) я постараюсь дать марксистский анализ научного облика этого ученого и тем самым надеюсь доказать, что я полностью осознал допущенные мною ошибки в данном вопросе.

Что касается моей монографии «Очерки из истории дифференциации английского крестьянства в XVI–XVII вв.», я полностью учел и учту все критические замечания, высказанные на секторе, и согласен на предложенные изменения, направленные к ее улучшению.

Мне только хотелось бы обратиться к Нине Александровне с двумя вопросами по поводу некоторых ее характеристик моего отношения к Савину, мне кажется, не вполне точно ею формулированных.

Нина Александровна сказала, что я полностью преклоняюсь перед Савиным и его статистическим методом. Позвольте мне прочесть несколько строк из главы о Савине. Я пишу: «В этом исследовании мы пойдем путем скучных и утомительных подсчетов, статистического анализа...»

/Читает/

Теперь второе. Вот, Нина Александровна, вы сказали, что я игнорирую факт борьбы Савина с Марксом. Позвольте мне опять прочитать отрывок из моего предисловия. Я тут говорю совершенно определенно: «В качестве представителя либеральной буржуазной историографии Савин [пропуск] наиболее революционных и классово выраженных интересов [пропуск] только им высоко ценившихся в построениях марксизма [пропуск] против преобладания в 24-й главе изображения Марксом исторического процесса в виде [пропуск]. Вот что Савин предпочитал в своих построениях [пропуск] экономическую эволюцию общества. Став на такую точку зрения, Савин был склонен подчеркивать, что [пропуск] без нарушения господствующих правовых норм и понятий» и т.д.

И, наконец, я просил бы разрешения прочитать и еще один небольшой кусок, несколько строчек из моего доклада, где я пытался объяснить, чем объяснить наш интерес к аграрной истории Англии, какова его научная и общественно-политическая природа, и я пишу: «Пусть не подумают английские историки, что, изучая английскую деревню, русские исследователи, сделавшие ряд важных открытий, исходили лишь [пропуск] Их в большой мере, даже в начале XX века, интересовали широкие и общие проблемы [пропуск] интересовала английская деревня именно потому, что [пропуск], потому что на английском материале и примере Англии Марксом были открыты основные законы капиталистического развития. Вот собственно природа нашего интереса к Англии. Марксом была показана закономерность [пропуск] в условиях крупного капиталистического производства [пропуск] и является моментом нашего основного интереса, и я думаю, что, исходя именно из публикации 24-й главы [пропуск], мы и должны заниматься этими сюжетами. Я думаю, что они сейчас представляют большой интерес».

Вот все то, что я хотел бы сказать.

КОГАН-БЕРНШТЕЙН Ф.А.: Я очень коротко, в двух словах, хочу остановиться на тех критических замечаниях, которые были мне сделаны. Нина Александровна в своем большом докладе вскрыла ряд

больших и серьезных ошибок в работе нашего медиевистского фронта вообще и нашей университетской кафедры в частности. В числе этих ошибок имеются и мои ошибки. И я честно и открыто признаюсь, что в моей работе, несомненно, тоже имеются серьезные ошибки.

Сегодня в качестве примера моих ошибок приводился мой доклад на кафедре, посвященный эпохе итальянского Возрождения, только одного специального вопроса из этой эпохи и затем моя статья «“Рассуждения о добровольном рабстве” Этьена Ла Буасси»*. Я совершенно охотно признаю, что эта моя статья и доклад на кафедре совершенно неудавшиеся, может быть.

В частности, по поводу моего доклада на кафедре «“Утопия” Томаса Мора», критика, которую я выслушала на нашем заседании, показала мне, что действительно вернее было бы строить его не так, как я его построила. Здесь Ю.М. Сапрыкин говорил, что я совершенно оторвала первую часть «Утопии» от второй и не связала критику существующего строя, из которой исходит первая часть «Утопии», не показала условий обстановки, в которой возникла «Утопия» Томаса Мора. Я тогда ответила на заседании, что действительно центр моего внимания был устремлен в другую сторону. Я занималась второй частью «Утопии», т.е. той, в которой развивается вся эта теория Томаса Мора, и меня интересовало в этой второй части показать не филиацию идей, как здесь говорилось, а меня интересовало показать, от каких условий современной ему действительности отталкивался Томас Мор. Наоборот, я боролась с теми исследователями, которые, анализируя эту вторую часть «Утопии», обычно делают это в поисках филиации идей, т.е. указывают влияние Августина, Платона и целый ряд влияний, на которых я не стану останавливаться. Я боролась с этим направлением, пыталась показать, что можно идти по совершенно иному пути, соответствующему нашим марксистским традициям. За поздним временем я не могу сейчас развивать эти мысли, которые требуют, несомненно, гораздо более полного раскрытия. Равным образом не хочу совершенно защищать и не собираюсь защищать целый ряд неудачных формулировок, которые содержатся и в моей статье о Ла Боэсси**. Опять-таки хочу сказать, что я и там не занимаюсь никакой филиацией идей, потому что я не анализирую никаких влияний на Ла Боэсси при составлении этого произведения. Если я упоминала то, что цитировала Нина Александровна, о влиянии на него античных реминисценций, то говорю об этом в связи с литературной формой самого произведения. А занимаюсь я в этой статье совершенно дру-

---

* Так в тексте. Следовало бы «Ла Боэси».

** Так в тексте. Следовало бы «Ла Боэси».

гим – раскрытием содержания под совершенно иным углом зрения этого трактата в целом.

Я не смею задерживать внимание собрания на этом вопросе, да это и мало кого интересует кроме узкого круга специалистов.

Я хочу еще раз повторить, что ошибки имеются у многих работников нашей кафедры, и, несомненно, я тоже не свободна от этих ошибок. Несомненно, и в указанных статьях, и в других вещах имеются ошибки и у меня. Но я думаю, что вся моя повседневная работа показывает, во-первых, что я имею основание так же, как и А.И. Неусыхин, считать себя марксистом не с сегодняшнего дня. Я на этом воспитана, я на этом выросла, это органически связано с моим мышлением.

Хочу сказать, что я совершенно согласна с мнением Сергея Даниловича, который говорит о том, что мы обязаны повседневно по мере нашего роста проверять нашу литературную продукцию, нашу учебную работу. Словом, беспощадным образом раскрывать наши ошибки. Я таким же беспощадным образом готова критиковать свою работу.

БАРГ М.А.: Я скажу, товарищи, буквально два слова.

Происходящая на наших глазах борьба на идеологическом фронте носит столь принципиальный партийный характер, что упрек даже в малейшей ошибке, или даже простом недоразумении, или, может быть, в оговорке, которую может сделать профессор, – такие недоразумения не могут остаться без ответа со стороны советских ученых, тем более коммунистов.

Я, выступая на секторе средних веков, руководствовался самыми лучшими побуждениями. Мне хотелось сказать, что русской медиевистике принадлежит самое почетное место, и мне казалось, что если мы не подчеркнем этого, то расчищаем поле битвы для чуждой идеологии буржуазных ученых. Руководствуясь такими побуждениями, я должен был быть правильно понят, но словесные выражения были таковы, что можно было понять, что я отбрасываю какую бы то ни было принципиальную разницу между нашими советскими учеными и учеными дореволюционными. Я полностью солидаризуюсь с докладчиком и разделяю те же взгляды. Только критическое преодоление научного наследства может направить нашу науку в правильное и планомерное русло.

Академик КОСМИНСКИЙ Е.А.: Разрешите, я еще раз возьму слово, хотя я не являюсь докладчиком, но тут ко мне обращались не один раз, и, затем, я думаю, что на мне лежит до известной степени обязанность взять слово как руководителю и сектора истории средних веков, и кафедры истории средних веков. Подводить итог будет наш докладчик Нина Александровна, но несколько общих вопросов я должен в своем слове затронуть.

Мне кажется, что незачем повторять то, что я уже сказал в самом начале, открывая наше собрание, незачем нам повторять то, что говорил Сергей Данилович об исключительной важности и ответственности данного момента, о том, что мы сейчас действительно находимся на боевом посту. Действительно, переживаемый сейчас момент настолько серьезен, что предъявляет к нам чрезвычайно высокие требования. Мы сейчас должны быть к себе исключительно требовательны и показать и себе и другим, в какой мере действительно мы готовы к войне, готовы к борьбе, не проявлялись ли действительно в нас какие-нибудь настроения, какие-нибудь идейки, какие-нибудь мнения, которые могут нас демобилизовать, которые могут так или иначе воспрепятствовать нашей работе, работе как советских историков, работе как советских патриотов.

Я думаю, что это важно. Ответственность, которую мы всегда несем перед народом, перед государством, перед партией, эта ответственность сейчас, безусловно, усугубляется.

Мне кажется, что выступления на сегодняшнем нашем собрании показали, что ошибок у нас имеется достаточно, что в нашу среду, в нашу работу прокралось немало такого, что мы не можем квалифицировать иначе, как космополитизм или хотя бы известный элемент космополитизма.

Я думаю, что, за исключением очень редких единиц, никто из нас не будет отрицать того, что наша работа не всегда стояла на должной высоте, что так или иначе те или иные элементы космополитических идей, космополитического мировоззрения, космополитического влияния проникали в нашу работу.

Что же мы должны делать?

Самым худшим, мне кажется, было бы, не разоблачив, называть каждого, у кого имеются ошибки, агентом англо-американского империализма и выбрасывать его из своей среды. Это, мне кажется, очень не подходящий способ. Я не вижу, по крайней мере, в нашей среде, среди московских медиевистов, особенно выступавших здесь, кто бы упорствовал в своих ошибках, кто бы настаивал на своих ошибках, кто бы отказывался сделать надлежащие выводы из тех упреков, которые ему были справедливо сделаны. Но, может быть, некоторые находили те возражения, те обличения, которые были против них направлены, ошибочными, в таком случае их право, безусловно, защищаться, потому что не всегда прав тот, кто нападает.

Я думаю, что главная наша задача сейчас – это помочь друг другу в изжитии тех ошибок, которые у нас были, и особенно тех, которые есть в настоящее время.

Мне кажется, что положительной стороной нашего сегодняшнего собрания было то, что все высказали достаточно готовность и,

по-моему, искреннюю готовность сознать свои ошибки и пойти по тому пути, который сейчас является единственно правильным. Осознавши свои ошибки, каждый должен об этом сказать открыто и не только сказать открыто, но показать на деле, что он эти ошибки изживает.

Тут я перехожу к одному упреку, который сделан в первую очередь мне и всю справедливость которого я прекрасно сознаю. Это упрек в том, что наша кафедра средних веков и наш сектор средних веков являются недостаточно действенными, что мы не сумели сплотиться как следует в один сплошной коллектив, в котором каждый бы из членов этого коллектива находил постоянную и проверку, и помощь со стороны всех остальных товарищей, что мы действительно собираемся, может быть, слишком редко, не ставим такие проблемы, которые бы выявили вполне не только какие-нибудь чисто конкретные темы, а выявили бы известные принципиальные проблемы, на которых должны учиться и воспитываться наши товарищи.

Тут многие утверждали, что они хорошо знают марксизм-ленинизм, что они не нуждаются в напоминании о том, что его надо знать.

Сказать: «я знаю марксизм-ленинизм», – это все равно, что сказать: «я знаю историю, я знаю науку». Их нельзя знать, нужно все время над ними работать, все время стремиться к тому, чтобы данное мировоззрение пронизывало всю нашу творческую работу с начала до конца. Здесь нужна постоянная, непрерывная и притом коллективная творческая работа. Поэтому-то я и признаю самый существенный упрек в том, что наша кафедра – это же и к нашему сектору относится – работает недостаточно, работает вообще плохо.

Конечно, как руководитель кафедры и как руководитель сектора я должен принять этот упрек целиком и полностью на себя. Я не могу, конечно, сослаться на то, что здоровье мое плохо, что мне слишком часто приходится выходить из строя – это лишь налагало на меня обязанность организовать дело так, чтобы моменты моего нездоровья не срывали работу кафедры и сектора, или же тогда кафедра и сектор должны сказать мне, что я не годюсь в руководители, против чего я тоже, конечно, при данных условиях возражать не могу.

Во всяком случае, насколько я могу, насколько я в состоянии, я постараюсь разбудить спящую красавицу, хотя, может быть, действительно сейчас она не вполне заслуживает такого названия.

Это обвинение меня в плохой работе сектора и кафедры я признаю. Но я предполагаю так, что ученые, советские ученые должны признавать свои ошибки, когда им их указывают правильно. Но, с другой стороны, долг ученого, советского ученого также и возвра-

жать в том случае, когда ему его ошибки указывают неправильно. Я хочу, поэтому, кое в чем и оправдаться из того, что мне говорилось.

Некоторые из упреков меня очень больно задели и показались мне не совсем справедливыми. В частности, мне показалось – может быть, я в данном случае и ошибаюсь, – что обсуждение моей книги не велось в елейном тоне, как сказал тов. Дорошенко. Он упрекает меня в том, что очерк историографии в начале моей книги не годится, что он повторяет мои старые ошибки, и тов. Дорошенко повторяет то, что я говорил на этом заседании.

Я начал прямо с того, что подверг самой резкой критике мое историографическое введение. Мне ничего нового не сказал тов. Дорошенко, не сказал ничего нового и тем, кто был на этом заседании.

Да, я совершенно решительно утверждал и утверждаю, что историографическое введение моей книги сделано плохо, что если бы я его писал сейчас, я бы его написал совершенно иначе, и я даже подробно рассмотрел, как бы я его написал. Поэтому я это обвинение не принимаю.

Я не знаю, на чем еще основывалось выраженное недоверие ко мне тов. Дорошенко. Он заявил, что «мы вам верили». Из этого я заключил, что теперь он мне не верит.

Эта книга, несомненно, содержит много ошибок, но я хвалить свою книгу не желаю. Но кое-что в этой книге есть такого, чего вы ни в какой другой книге не найдете. А если вы не сумели рассмотреть, что в ней есть для историка Москвы, то мне говорить об этом нечего.

Относительно «Византийского Временника» мы слышали упреков очень много. Кто же первый дал критику всему этому тому «Византийского Временника»? Я дал, собственно говоря, эту критику. И бросать мне обвинение в том, что идеи «Византийского Временника» являются моими идеями, что я за них ответственен, считаю неправильным. Я эти идеи первый подверг решительной критике и рассматриваю их ошибкой. Это я высказывал на собраниях, это я высказывал и в печати.

Меня упрекали в том, что я взял очень узкую тему для моего сегодняшнего выступления, но я ее взял потому, что широкую тему взяла Нина Александровна. Я взял то, что, с моей точки зрения, было самым больным местом, где я сознавал в наибольшей степени свою вину. Именно в этом сознавал свою вину, что до сих пор нет нового учебника для вузов. Только теперь я смог дать новый учебник для средней школы. Там, где дело идет о произведениях, обращенных к тысячам и миллионам, там я не выполнил своей задачи, там все еще имеет хождение учебник, непригодность которого для меня самого ясна. Поскольку еще не приходилось выступать в таком ши-

роком собрании на эту тему, поэтому я здесь и выступил с моим сообщением, которое имело место сейчас.

Товарищи, я, может быть, задержал вас самооправданием, но я думаю, что мы должны стремиться к выявлению истины и в тех случаях, когда мы не правы, сознаваться в нашей неправоте, а когда мы чувствуем себя правыми, то защищаться, потому что большая ошибка оставлять неправильное обвинение не опровергнутым.

Разрешите заключить тем, что мы должны помнить об этом фронте, которым мы должны заниматься в исторической науке, и, может быть, правы те, которые говорят, что фронта у нас еще нет, есть отдельные работники, не связанные или мало связанные друг с другом. Именно связь, именно коллектив, именно дружная работа, в которой все будут друг другу помогать, друг друга исправлять, поможет нам изжить те ошибки, которые были выявлены на сегодняшней дискуссии.

В этом значении нашего собрания, и правильно тут сказал один из товарищей, что это не кампания, не какой-нибудь случайный момент, когда можно поговорить, а через некоторое время забыть. Мы должны претворить в жизнь то, о чем мы сегодня говорили, и то, к чему мы должны стремиться.

СИДОРОВА Н.А.: Я начну свое заключительное слово с выступления И.Д. Белкина. Он говорил о том, что нельзя говорить о всех одинаково, что нужно давать квалификацию, что нужно бить по пропагандистам англо-американских идей, что нельзя строить свое выступление на отдельных цитатах, и он даже возложил на меня ответственность за прения.

Должна сказать, что И.Д. совершенно не понял того, что я говорила. Весь мой доклад был направлен против чуждой нам идеологии буржуазного космополитизма, против идеологии англо-американского империализма. Я попыталась определить формы проявления космополитизма в области истории средних веков. Больше того, я попыталась назвать конкретных носителей этих идей буржуазного космополитизма. Мне кажется, что в своем докладе я эту задачу выполнила.

Наряду с людьми, которые совершают в своих работах отдельные ошибки объективистского и космополитического характера, я показала присутствующим основные фигуры тех людей, которые заражены буржуазной идеологией космополитизма. Мне кажется, достаточно ясно я говорила об этом и в отношении Б.Т. Горянова, и в отношении А.И. Неусыхина, и в отношении Вайнштейна, и в отношении Лавровского. Я противница того, чтобы всех историков валить в одну кучу и мазать все черной краской.

Что касается того, что я не назвала Вайнштейна буржуазным космополитом, подобно тому, как квалифицируется Рубинштейн, а

просто назвала его родным братом Рубинштейна, то я думала, что совершенно ясно, что я хочу этим сказать.

Горянова и Лавровского я квалифицировала как людей, выражавших порочные космополитические взгляды. Я назвала Вайнштейна автором книги, которая представляет собой «букет» космополитических идей, я назвала Неусыхина самым настоящим низкопоклонником перед буржуазной наукой, а это и есть космополитизм. Таковы были главные фигуры, которые я называла.

Далее И.Д. обвиняет меня за цитирование Неусыхина, и это больше всего меня убеждает в том, что И.Д. не понял того, что я хотела сказать. Я цитировала страшные для Неусыхина вещи, а И.Д. выступает против такого цитирования. Мое же глубокое убеждение состоит в том, что не может быть назван патриотом нашей советской родины, не может быть назван нашим советским историком тот, кто не желает овладеть марксизмом-ленинизмом. Это мое глубокое убеждение, и об этом я говорила и в докладе.

Цитаты, которые я привела, говорят о не-ленинском, о буржуазном подходе к истории, характеризуют Александра Иосифовича Неусыхина как человека, проповедовавшего в своей работе буржуазный космополитизм.

Ничего дурного я не вижу и в том, по какому руслу пошли здесь прения. По-моему, здесь был целый ряд прекрасных выступлений. Все это выступали партийные и беспартийные наши работники, товарищи, которые могли поправить меня в любом выступлении.

С другой стороны, мой доклад имел целью – и это нужно совершенно ясно себе представить – начать развернутую самокритику в нашей среде. Это было, в сущности говоря, первый раз в истории нашей кафедры, в истории нашего сектора, чтобы вот так критически с трибуны выступили с наименованиями конкретных носителей буржуазных идей в среде наших историков, чтобы так в прениях выступали товарищи, как они выступали сегодня. Это первый раз за всю историю последних десяти лет, и в этом я считаю большое достижение нашего собрания.

Если бы тов. Белкин бывал на прошлых наших собраниях, то он понял бы, что было бы политически неверно ограничиться двумя-тремя именами. Это было бы не то, что требует от нас партия. Это было бы неверно потому, что нам нужно было сейчас вскрыть наиболее ярких носителей буржуазной идеологии в нашей среде, и я пыталась это сделать. Упомянуть одного Вайнштейна, упомянуть одного А.И. Неусыхина [пропуск] было бы с моей точки зрения неверно, ибо это ориентировало бы нас на сужение той самокритики, которая может единственно вскрыть наши недостатки и, в конечном счете, привести к исправлению наших пороков. Нам надо было разбить

затхлую атмосферу, которая царит в секторе и которая царит на кафедре. Я своими силами, поскольку могла, пыталась это сделать.

Наконец, маленькое замечание И.Д. Белкину по поводу Б.Ф. Поршнева. И.Д. Белкин упрекнул меня в том, что я почему-то вычеркнула из списка людей, которых я называла здесь, Б.Ф. Поршнева и никакой квалификации его ошибкам не дала.

Я думаю, что это непоследовательно со стороны самого И.Д. Белкина. Если уж вы выступили, то и вы должны были дать политическую квалификацию ошибок Б.Ф. Поршнева.

Несколько слов о прениях. Я с большим удовлетворением прослушала выступления некоторых наших молодых товарищей. Это были честные партийные выступления. Я могу сказать о выступлении В.В. Дорошенко. Он очень волновался, он с трудом говорил, потому что, выполняя свой партийный долг, он непосредственно выступил против своего учителя. Для этого нужно иметь гражданскую смелость, нужно иметь настоящую партийную совесть, чтобы в лицо сказать своему учителю, в чем ты с ним расходишься, и дать ту квалификацию, которую он дал А.И. Неусыхину.

Я могу с большим удовлетворением отметить выступление З.В. Удальцовой, выступления Старостина, Сапрыкина и целого ряда других товарищей. Первый раз мы слышим, что говорят полным голосом на нашем совещании. Новым в нашем деле является и то, что впервые мы услышали голос тех людей, которых мы обвиняем в определенных ошибках и, так сказать, в вывихах, в том, что они являются выразителями неправильных и вредных для нашей страны взглядов. Это тоже новое.

О качестве выступлений я скажу несколько ниже.

Перед нами выступили Сергей Данилович Сказкин и Евгений Алексеевич Косминский. Я хочу сказать, что их патриотический долг сейчас заключается в том, чтобы выполнить для страны, для народа ту работу, которая нам нужна. Прямо непосредственно, я думаю, является таким заказом, на который должны ответить и Евгений Алексеевич и Сергей Данилович, – это отповедь самым реакционным англо-американским идеям.

Сергей Данилович в течение многих лет сидит и читает в архиве журналы, в которых излагаются все взгляды современных католиков, журналы, которые проводят и пропагандируют томистскую философию, возрождение средневековой схоластики, которая выступает как агентура американского империализма. Эти журналы, Сергей Данилович, не для чтения. Вы читать должны эти журналы для того, чтобы выступить как патриот своей родины. Что вы нам говорите о том, что вы думаете, может быть, сделать доклад на эту тему. Вы не можете думать «может быть, сделать доклад», вы должны на-

писать, вы должны выступить в печати. И вы обязаны перед нашим народом оправдаться в том, что народ дает вам. Это ваш патриотический долг. И здесь нельзя говорить тоном научного предположения, научного планирования, что я, может быть, выступлю. Вы, не «может быть, выступите», вы обязаны выступить, и в самое ближайшее время.

То же самое я могу сказать и относительно Е.А. Косминского. Наш народ ждет от вас критических выступлений по англо-саксонской историографии. Вы человек, которого знают за рубежом, вы являетесь той величиной, которая может выступить против англо-саксонской историографии так, как нужно нашей стране. Никто другой, а именно вы, медиевист, крупная фигура должны это сделать, и здесь речь идет не о научном плане, о том, что мы будем через пять лет делать. Это должны вы сделать сейчас.

То же самое я могу сказать относительно работы кафедры, относительно работы со студенчеством. Это тоже одна из важных задач, которую наша старшее поколение тоже должно выполнить. Наша кафедра работает неудовлетворительно, работают отдельные преподаватели, а она должна работать так, как этого требует наша родина.

И, наконец, последние два вопроса.

Первый вопрос о качественной стороне ответов товарищей, которые были затронуты в докладе и прениях. Я должна сказать, что эти ответы-оправдания, с моей точки зрения, являются абсолютно неудовлетворительными. Это совсем не то, что мы ждем от наших, перечисленных мною товарищей, совсем не то, и, мне кажется, когда я слушала эти ответы, в которых академическая сторона была очень близко, очень тесно смешана с некоторыми личными обидами, вот это меня, пожалуй, в сегодняшнем заседании испугало больше всего, и больше всего мне это было неприятно.

В ответах, которые мы здесь слышали, пожалуй, у В.М. была больше развернута критика своих ошибок. Но ответы Александра Иосифовича и Фаины Абрамовны показывают, что эти товарищи совершенно не понимают того, что происходит, или не хотят понять. Они не понимают того, что партия ведет сейчас политическую борьбу, что эта идеология буржуазного космополитизма – это есть враждебная нам идеология, что мы будем бороться с этой идеологией и будем очищать наши ряды от всех проводников буржуазного космополитизма. Вот что нужно понять, ибо без этого очищения, без мобилизации всех наших сил, которые должны быть мобилизованы на воспитание нашего народа в духе патриотизма, без этого мы не можем выполнить своей задачи.

Вот эти ответы свидетельствуют о том, что товарищи не понимают политического характера происходящих событий, не понима-

ют того, что нам нужно покончить со всей этой враждебной нам идеологией, что нам нужно быть истинными патриотами нашей советской родины и преодолеть, выкорчевать все то вредное, что есть у нас в исторической науке.

Завтра предстоит заседание Ученого совета. Наша общественность ждет от людей, которые являлись до сих пор проводниками буржуазного космополитизма, от Неусыхина, Горянова, Лавровского честного признания своих ошибок на публичном заседании Ученого совета. Эти товарищи должны осветить и дать политическую квалификацию своей деятельности, дать развернутую критику своих взглядов.

Наконец, последний вопрос, это вопрос о позиции части присутствующего здесь студенчества. Когда Михаил Антонович совершенно правильно указал на то, что часть студенчества, часть ближайших и непосредственных учеников Александра Иосифовича считает его мучеником за науку, из среды студенчества послышался возглас: «правильно». /С места: аспирант/ Во всяком случае, из представительной университа. Я отметила это.

Еще более в неверном и вредном настроении, царящем среди части студенчества, меня убедили аплодисменты, которые последовали вслед за выступлением Александра Иосифовича. Выступление Александра Иосифовича, несмотря на великолепную форму, в которые он облакает все свои выступления, было уходом от тех вопросов, которые были поставлены ему в докладе и во время прений. Мы ждем честного признания того, что вы проводите на своих семинарах, в своих спецкурсах, в своем общем курсе. Об этом именно и надо было говорить, а не цитировать то, что вы здесь цитировали. Это не то, что мы от вас ждали.

Аплодисменты части студенчества, которые последовали после окончания выступления А.И. Неусыхина, я рассматриваю как антипатриотическую, антипартийную манифестацию и думаю, что эта манифестация не может не привлечь внимание партийной организации института, и прежде всего т. Удальцовой, т. Толмачева и т. Бендриковой, которые имеют непосредственное отношение к партийному бюро и к кафедре всеобщей истории.

Мне кажется, что эти аплодисменты, эти настроения говорят о совершенно недостаточной воспитательной работе среди студенчества, являются очень тяжелым признаком того, что эта работа недостаточна.

Я считаю необходимым, чтобы партийная организация обратила на это вредное, антипатриотическое настроение части студенчества самое серьезное внимание. Я полагаю, что партийная организация университета займется этим делом. Вот что я хотела сказать.

- ¹ В ходе «борьбы с космополитизмом» И.И. Минц, И.М. Разгон, Л.И. Зубок и Н.Л. Рубинштейн (упомянутые в тексте стенограммы) были изгнаны с исторического факультета МГУ.
- ² В конце 1948 – начале 1949 г. Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) провел проверку работы журнала «Вопросы истории» (далее: ВИ). Журнал и его редколлегия были обвинены в потворстве «антимарксистским извращениям в области истории», восхвалении реакционной зарубежной и русской буржуазной историографии. В постановлении Секретариата ЦК ВКП(б) работа журнала была признана неудовлетворительной, а состав редколлегии был почти полностью изменен. В вину журналу, в частности, ставились хвалебные рецензии на книги Р.Ю. Виппера «История средних веков» (ВИ. 1948. № 5) и Е.А. Косминского «Исследование по аграрной истории Англии XIII века» (ВИ. 1948. № 2), статьи Б.Д. Грекова по византиноведению (1946. № 3–4), Е.А. Косминского и З.В. Мосиной (1948. № 1; 1947. № 1), в которых давалась положительная оценка трудов русских историков – Д.М. Петрушевского, А.Н. Савина, П.Г. Виноградова и др., а также положительные рецензии на второй выпуск сборника «Средние века» (посвященный Д.М. Петрушевскому) и книгу Р.Ю. Виппера «Возникновение христианской литературы» (М., 1947).
- ³ Речь идет о возобновленном издании «Византийского Временника», вышедшем в 1947 г. под номером 1(26).
- ⁴ Имеется в виду Михаил Владимирович Алпатов.
- ⁵ См. последнее издание: *Неусыхин А.И.* Общественный строй древних германцев. М., 1998.
- ⁶ Видимо, речь идет об «Очерках из истории средневекового общества и государства», впервые опубликованных в виде журнальных публикаций в 1904–1905 гг. и вышедших в виде отдельной книги в 1907 г. Последнее издание: *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. СПб., 2003.
- ⁷ *Петрушевский Д.М.* Очерки из экономической истории средневековой Европы. М.; Л., 1928.
- ⁸ *Граменицкий Д.С.* К вопросу о происхождении и содержании франкского иммунитета // Средние века. М.; Л., 1946. Вып. 2. С. 135–154.
- ⁹ *Михаловская Н.С.* Каролингский иммунитет // Средние века. М.; Л., 1946. Вып. 2. С. 154–189.
- ¹⁰ *Вейс В.Д.* К вопросу о природе фогства в Германии X–XII вв // Исторические записки. 1946. Вып. 19. С. 102–141.
- ¹¹ Опубликована только в 1994 г.: *Зелигер Г.* Социальное и политическое значение вотчины в раннее средневековье / Пер. с нем. В.Д. Вейса, М.И. Левиной; Под ред. А.И. Неусыхина; Публ. подгот. Л.Т. Мильская. М., 1994. (*Seeliger G.* Die soziale und politische Bedeutung der Grundherrschaft im frühen Mittelalter. Leipzig, 1903).
- ¹² *Вайнштейн О.Л.* Историография средних веков. В связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.; Л., 1940.
- ¹³ Речь идет о втором выпуске сборника «Средние века», опубликованном в 1946 г. и посвященном памяти Д.М. Петрушевского. Этот сборник, призванный реабилитировать Петрушевского как выдающегося представителя отечественной медиевистики и основателя целого направления в изучении средневековой Европы, был подвергнут категорической и ожесточенной критике

- со стороны официальных инстанций и вызвал нападки историков, выступавших в качестве верных солдат партии и властей.
- ¹⁴ *Гуковский М.А.* Итальянское Возрождение. Л., 1947. Т. 1: Италия с 1250 по 1380 год.
- ¹⁵ *Самойло А.* Обзор иностранной литературы по истории английской революции в 1938–1947 годы // ВИ. 1948. № 8. С. 121–125.
- ¹⁶ Здесь имеется в виду Михаил Антонович Алпатов.
- ¹⁷ Возможно, речь идет о статье: *Алпатов М.А.* Политические идеи Фюстель де Куланжа // ВИ. 1948. № 12. С. 32–54; или о рецензии того же автора на книгу: Фердинанд Ло Галлия. Этнические, социальные и политические истоки французской нации // Там же.
- ¹⁸ *Семенов В.Ф.* Основные направления в современной английской медиевистике // ВИ. 1948. № 1. С. 125–132.
- ¹⁹ *Левин Г.Р.* Рец. на: *Холореншоу Г.* Левеллеры и английская революция // ВИ. 1948. № 5. С. 127–129; *Хилл К.* Английская революция // ВИ. 1948. № 7. С. 114–116.
- ²⁰ Журнал «Byzantion»
- ²¹ Видимо, В.Г. Василевский (1839–1889).
- ²² Против фашистской фальсификации истории / Под ред. Ф.И. Натовича. М.; Л., 1939. В этом сборнике была опубликована статья А.И. Неусыхина «Итальянская политика Германской империи X–XIII вв. в современной фашистской историографии». С. 156–186.
- ²³ Видимо, речь идет о статье: *Неусыхин А.И.* Эволюция собственности и свободы в родо-племенном и варварском обществе // ВИ. 1946. № 4. С. 82–99.
- ²⁴ Речь идет о монографии: *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941.
- ²⁵ «Интерес к западноевропейскому средневековью...». *Вайнштейн О.А.* Указ. соч. С. 293.
- ²⁶ Речь идет о Ю.И. Венелине.
- ²⁷ Видимо, речь идет о рецензии на учебник Р.Ю. Виппера (*Bunper P.Ю.* История средних веков. М., 1947), которая была опубликована в «Вопросах истории» в 1948 г.
- ²⁸ *Радциг Н.И.* Этьен де Лабозси – предшественник монархомахов-тираноборцев XVI в. // Средние века. 1946. Вып. 2. С. 323–332.
- ²⁹ *Люблинская А.Д.* Ришелье в исторической литературе XIX–XX вв. // ВИ. 1946. № 10. С. 112–117.
- ³⁰ *Сэ А.* Чем экономическая и социальная история Франции XVIII в. обязана трудам Лучицкого // Научно-исторический журнал. 1914. № 4. С. 22–24.
- ³¹ *Поршнев Б.Ф.* К вопросу о месте России в системе европейских государств XV–XVIII веков // Ученые записки Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). Вопросы всеобщей истории. М., 1948. Вып. 2. С. 5–33. Белкин неоднократно выступал с критикой этой работы Поршнева, а его развернутая рецензия была опубликована в: ВИ. 1950. № 1. С. 136–143.
- ³² На полях стенограммы написано «Грацианский».
- ³³ *Неусыхин А.И.* Исторический миф третьей империи // Ученые записки МГУ. 1945. Вып. 81. С. 55–115.
- ³⁴ Речь идет о Д.М. Петрушевском.